

СОНЯЕРГЕНОВА

С.Е.

ТРИНАДЦАТИЛЕТНИЕ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ПОВЕСТИ "ЛИСОФАНЖЕ"

Соня Ергенова

Тринадцатилетние

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67379076

SelfPub; 2024

Аннотация

Полина испытывает чувства к старшекласснику и пытается обратить на себя его внимание. Пик ее влюбленности приходится на поездку с классом в Париж, где также оказываются Кира и Глаша, которые хотели попасть в Лисофанже (для этого нужно пролезть в комнате Полины под столом, где на стене Полина нарисовала волны), а оказались в Париже. Кира скрывается от опеки, потому что его мама погибла, и теперь ему грозит детский дом, но вместо Лисофанже им с Глашей приходится выживать в незнакомой стране. Полина находится во власти переживаемых чувств к старшекласснику, и вновь нарисовать волны на стене, которые растворят стену и откроют путь в Лисофанже, у нее не получается. Когда Глаша вместо Полины признается в любви и получает отказ, Полина будто проваливается в пропасть от безответной любви, и в момент сильнейшего переживания горя ей на помощь приходит возвращение в Лисофанже.

Содержание

Глава 1. Невский	5
Глава 2. Монмартр	12
Глава 3. Сакре-Кер	19
Глава 4. Латинский квартал	26
Глава 5. Сена	32
Глава 6. Гостиница на обочине	35
Глава 7. Глаша признается в любви	41
Глава 8. Волны Лисофанже	46
Глава 9. По дороге в Нанси	49
Глава 10. Ночная встреча	58
Глава 11. В доме Анн-Мари	65
Глава 12. Калинка-малинка	70
Глава 13. У букиниста	73
Глава 14. Вечер в Нанси	76
Глава 15. Глаша колдует	79
Глава 16. Школа	83
Глава 17. Торговый центр	86
Глава 18. Мадам Жаккар	90
Глава 19. Разлуки и встречи	98
Глава 20. Возвращение в Лисофанже	107
Глава 21. На качелях	111
P.S. Невский	117

Соня Ергенова
Тринадцатилетние

Глава 1. Невский

Полину переполняли одновременно радость и грусть, тоска и счастье.

Несвойственные Полине ощущения не покидали ее уже несколько недель. Радость была разной – то тихой и нежной, вдохновляющей и будоражащей, то громкой, визжащей, хохочущей до слез и рыдающей от счастья. А грусть появлялась вдруг. Из ниоткуда.

И теперь, когда Полина широко шагала по Невскому проспекту в новых, накануне купленных, осенних сапожках, ей казалось, что она вовсе не идет, а летит, парит над мокрым искрящимся на солнце тротуаром. Распущенные волосы развевались на ветру. И яркий теплый день среди дождливого октября пах весной.

Сердце Полины застучало от волнения. В воротах дворца творчества юных она заметила желтый пиджак. Его обладателем был худой высокий молодой человек с длинным носом и деловым взглядом. Молодой человек размахивал руками, громогласно кричал в телефон и ругался.

Полина в забвении не сводила с него взгляд. Она не чувствовала ног, а глаза ее перестали моргать.

– Полина! – внезапно заорал желтый пиджак, заметив растрепанную девчонку с широченной улыбкой. Она таращилась на него очумевшими глазами. – Ты знаешь, где Колбас-

ников?

«Михеев заговорил со мной. Михеев первым заговорил со мной!» – в голове Полины гремел оглушительный фейерверк.

– Знаешь, где Колбасников? – нетерпеливо повторил Михеев.

– Нет, – Полина завертела головой, продолжая улыбаться.

– Жаль, что не знаешь, где Колбасников, – чересчур мрачно для солнечного дня сказал Михеев. – За ним приехали из опеки. Ждут наверху, в редакции, потому что ни дома, ни в школе Колбасникова не было уже пару дней. И он, скорее всего, не знает, что его мама... – тут Михеев споткнулся на полуслове, выдохнул, отведя взгляд.

Улыбка сошла с лица Полины. Вереница тревожных мыслей, как черные тучи, затмила солнечный день. Радость поникла и забилась куда-то глубоко. Михеев продолжал говорить сбивчиво и нервно очень, очень, очень страшные слова. Полина, как и Глаша, как и сам Кира догадывались, что когда-нибудь... Когда-нибудь, а не в огненно-яркий солнечный день посреди октября! В день, который должен был быть особенно счастливым!

– Его телефон вне зоны доступа, – подытожил Михеев, и голос его зазвучал тише. – Когда Кириллу найдут, то поместят в детский дом. У него нет родственников. Про отца он врал, – Михеев озадаченно вздохнул. – Я слышал, что рассказывала женщина из опеки. Не знал, что Кириллу так туго

приходится. А ты знала?

Полина знала, но, опустив глаза вниз, отрицательно покачала головой. От застилавшей пелены слез отблески мокрых плит казались ослепительными.

Михеев посмотрел на часы, оставалось пару минут до начала лекции по журналистике.

– Вряд ли Кирилл придет. Я хотел его предупредить. Хотя какой толк! Куда ему еще деваться, кроме детского дома.

И Михеев огромными шагами быстро направился во дворец. Полина засемила следом, по дороге размышляя, где может быть Кира.

Рано утром, еще не было и восьми утра, Кира и Глаша выползли из-под стола в ее комнате: вот уже три года, как там был вход в Лисофанже, появившийся под нарисованными Полиной волнами.

Ребята споткнулись о коробку с новыми сапожками и повалили собранный чемодан. Глаша бесцеремонно распахнула шторы, залив комнату первыми трепетными лучами солнца. Они с Кирой наперебой рассказывали сонной Полине, как в Лисофанже накануне выпал снег, с утра светило солнце и можно было умереть от жары, а пару дней назад штормило и выл ураганный ветер.

Последнее время Кира чаще и дольше оставался в Лисофанже, в Летающей квартире. Полина напротив давно не навещалась в свой придуманный мир. Ее жизнь кружилась, неслась, парила вокруг Михеева. И Лисофанже с его забота-

ми отошло на второй план.

Полина сквозь забвение дремоты слушала, о чем болтают друзья.

– В последний день перед каникулами можно и в школу навестись, – рассудил Кира, шкодно подмигнул и громко рассмеялся.

В комнату ворвалась разбуженная мама Полины. Она никак не могла привыкнуть, что в комнате дочери постоянно появляются ее друзья. Сама она не могла попасть в Лисофанже, потому что ее рационализм не позволял видеть то, что неподвластно объяснению.

Некоторое время мама Полины не догадывалась о существовании Глаши. В конце концов она вычислила подвох и к радости Глаши не стала ее опекать и воспитывать. Наоборот, поставила Глашу в пример Полине: «Бывают же настолько самостоятельные дети!»

Несмотря на это, мама недолюбливала Киру и Глашу за производимый ими шум, громкие голоса и смех. Войдя в комнату, она немедленно выдворила Киру и Глашу из квартиры, как всегда, ругаясь на проходной двор и невоспитанных детей.

Полина попыталась снова заснуть, но день предвещал столько радости, что Полина лежала и смотрела, как за окном зарождается самый счастливый день в ее жизни.

Теперь от радости не осталось и следа. Полина не слушала лекцию по журналистике, а под столом набирала по очереди

то Кире, то Глаше. Телефон Киры по-прежнему был выключен, а у Глаши раздавались гудки, гудки, длинные гудки. После лекции в телефоне наконец раздался бодрый голос Глаши:

– Салют, Полина! Прости, что не отвечала. Мы были в кино.

Полина побледнела от страха: «Неужели они не знают?»

В пустынном сквере дворца, где они договорились встретиться, Полина прислонилась к стволу дуба и рвала в руках оранжевый лист. На новые сапожки падали оранжевые ошметки. Как странно, думала Полина, что еще накануне самой большой проблемой было выбрать сапожки. Ей понравились замшевые, походившие по фактуре и цвету на ее плюшевого медведя.

Вдали показались Кира и Глаша. В одинаковых мешковатых толстовках ярко-оранжевого цвета. Как два осенних листа. Ребята передавали друг другу бутылку молока и жевали багет. Полина взволнованно всматривалась в их силуэты. Они шли, не торопясь, в надвинутых на лица кепках.

– Хочешь молока? – предложила Глаша, как ни в чем не бывало.

– Мы три фильма на халяву посмотрели, – беспечно сообщил Кира, скинув черный рюкзак с надписью «Не прислоняться» на скамейку и усаживаясь на ее спинку. – На первый сеанс зашли с выхода! А в конце фильма выходишь в вестибюль будто в туалет и теряешься в толпе зрителей на

следующий сеанс, – рассказывал Кира, ухмыляясь их находчивости. – Билеты ведь не на входе в зал проверяют, а раньше, перед вестибюлем, представь.

– Что ты киснешь, Полина? – спросила Глаша, улыбнувшись. – Боишься признаться Михееву, что втюрилась в него по уши? Давай я признаюсь вместо тебя?

– Нет, признайся ему сегодня, в самолёте по пути в Париж, – предложил Кира. – Тогда Михеев не сможет от тебя сбежать.

Глаша рассмеялась. Кира лишь слегка хмыкнул, отхлебнул молока и отвернулся в сторону гудящего Невского. Потом спрыгнул со скамейки, подобрал три каштана и принялся ими жонглировать.

Последнее время Кира жонглировал всем, что попадалось под руку. Даже на уроке на радость одноклассникам. Но теперь каштаны разлетались в разные стороны, не желая слушаться Киру. Полина молча подняла их с земли и подала другу.

– Перед журналистикой я встретила Михеева, – наконец, сказала она, – и он мне сказал... Он мне сказал..., – прошептала Полина и сжалась от страха.

– Знаю, что тебе сказал носатый, – признался Кира, запустил каштанами в дерево и добавил хмуро:

– От его заботы пришлось выключить телефон.

Полина смотрела на Киру широко распахнутыми глазами. Кира улыбнулся от ее растерянного вида.

– Не заморачивайся, Полина. Езжай в Париж и повеселись за всех нас.

– А мы не пропадем, – уверенно заявила Глаша, доедая багет, – погуляем по Невскому и вернемся в Лисофанже.

Глава 2. Монмартр

Париж мелькал перед глазами Полины за окном автобуса – невыносимо близко и катастрофически далеко одновременно. Точь-в-точь как Михеев.

Пантеон, Елисейские поля, Эйфелева башня, Лувр – уместились в один суматошный, утомительный, скучный от долгих экскурсий день. За все время Полина не вспоминала ни о Кире, ни о Глаше, ни о Лисофанже.

Под вечер шумная толпа школьников – одноклассников Полины, старшеклассников и французов – выгрузились из автобуса на Монмартре. Прохладный влажный воздух осеннего Парижа бодро встречал ребят.

– Монмартр, Монмартр, Монмартр... – тараторил как скороговорку Чугунов, гогоча от того, как заплетается язык.

«Где мы были до этого? Только время тратили зря...» – решила Полина, любуясь мокрым асфальтом, в котором отражались вывески и яркие огни. Машины шуршали опавшей листвой. Высокие раскидистые платаны величественно размахивали ветвями посреди бульвара Клиши. Новые запахи, новые лица. Всё кругом дурманило и манило.

У автобуса продолжалась суета: Месье французов призывал беречь сумки и оставлять их в автобусе, Инна Марковна громко кудахтали и пересчитывала по головам. Их первая учительница была чрезвычайно взволнована случайно

выпавшей на ее долю поездкой и ответственно относилась к дисциплине бывших учеников.

После духоты автобуса Полина ощутила небывалую радость и вдохновение. Она интуитивно сделала шаг в сторону от гудящей толпы ребят. Потом еще шаг и еще, в новых сапожках по искрящемуся тротуару. Еще несколько шагов вперед, еще немного. И внезапно суета отступила. А там! Полина замерла от восторга. Переливался и сиял огнями Мулен Руж! Голова пошла кругом, как крылья красной мельницы. Романтический флер Монмартра пьянил. Романы и повести, стихи и музыка – все-все о Париже внезапно слилось воедино и обрушилось, словно цунами, на Полину, окончательно влюбив ее в Париж.

– Полина! – услышала Полина своё имя, как приговор, как невыносимая неизбежность.

– Полина, куда ты ушла? Никогда не отставай от группы, – Инна Марковна взволнованно махала ей рукой.

Полина тяжело оторвала замороженный взгляд от мельницы и, ощущая на себе кандалы всех узников Бастилии, поплелась за толпой. «На Монмартре не есть, а быть» – придумала Полина по пути в кафе.

Кафе походило на школьную столовую. Тьма народа, толчея, духота, клубы дыма от горячих блюд под потолком. Голодные, не евшие с утра, школьники, толпой штурмовали прилавок. Полину зажало рядом с Варей.

– Я возьму мясо с кровью, – шепнула Варя, пытаюсь убе-

речь длинные косы, поэтому держала их перед лицом и щекотала Полину. – Если повезет, то в качестве сувенира получу свиного цепня. Меня не прельщают магниты на холодильник, а ленточный червь, согласишься, – это изысканно. Его можно вырастить до трех метров длиной, а потом провести дегельминтизацию. Если вытащить червя целиком, то можно заспиртовать его в прекрасной банке. Это, я понимаю, сувенир из Парижа!

Полина одобрительно кивнула.

Наконец, она разглядела затылок Михеева и попыталась протиснуться поближе к нему, но вместо этого ее оттеснили, затолкали, и Полине угораздило оказаться рядом со своей корреспонденткой Анн-Мари. Та расплылась в лучезарной улыбке, проявив заботу к маленькой русской девочке с испуганными глазами и плохим французским, помогла заказать Полине хорошо прожаренную курицу и усадила за свой столик.

За столиком уже сидел Чугунов со своим корреспондентом Полем, *le petit-copin* (молодой человек, прим. автора) Анн-Мари. Как только Анн-Мари присела, Поль обнял ее за талию. Их объятия и долгие поцелуи смущали Полину и вызвали искреннее любопытство.

У Анн-Мари было доброе приветливое лицо, голубые глаза и каскад длинных русых волос. Она бесконечно улыбалась и дотрагивалась до Поля: то теребила за его прыщавые щеки, то взъерошивала волосы, а Поль млел от ее прикоснове-

ний, продолжая обнимать Анн-Мари за талию. «Как у него рука не затекает!» – удивилась Полина и заметила: Поль для удобства засунул руку в задний карман джинсов Анн-Мари. Полина поморщилась и отвернулась.

Помимо Чугунова, Поля и Анн-Мари за их столиком сидел высокий француз в очках с черной оправой. Полина еще не успела узнать всех французов и не знала ни его имени, ни кто его корреспондент.

Французы громко разговаривали между собой, смеялись, особенно Поль. Когда он смеялся, то откидывал голову назад, словно дикий осёл во время ржания. От взрывов его хохота Полина пугалась. Она сидела с краю, вяло ковыряла вилкой пережаренную курицу и наблюдала, как Чугунов жадно уплетал порцию, впиваясь в мясо, хрюкая от удовольствия, и вытирал рукавом стекающий соус с подбородка. Спина Михеева за соседним столиком, сплошь из старшеклассников, тоже тряслась от смеха.

Вокруг Полины царило веселье. А самой Полине сделалось ужасно тоскливо и одиноко. Радость, живущая в ней, вела себя совершенно непредсказуемо. То она выскакивала неожиданно, как от свежего ветра на бульваре Клиши, или от случайного взгляда Михеева, то пряталась, как теперь, позвав вместо себя тоску и печаль.

– Над чем они смеются? – раздраженно спросила Полина Чугунова. – Зачем они пригласили нас за свой столик, если не замечают?

– Им велено с нами общаться, – ответил Чугунов, доевший свою порцию, и теперь старательно высасывающий из трубочки последние капли со дна стакана. – А мой Поль мне и еду оплатил.

– Фу, какое лицемерие! – разозлилась Полина. – Как они меня раздражают, особенно прыщавый!

– Ты бы помалкивала, – хитро захихикал Чугунов и, наклонившись ближе, тихо сказал:

— А ты знаешь, что вот этот, – он кивнул головой в сторону высокого француза в очках, – русский. Его Серж зовут.

– Я тебе не верю, – Полина отстранилась от Чугунова, так сильно от него несло кислым соусом.

– А ты спроси у него что-нибудь.

– Не буду я спрашивать.

– Эй, Серёга, – Чугунов обратился к лжефранцузу. – Она не верит, что ты русский.

Серж отвлёкся и с улыбкой глянул на Полину.

– Да, я русский, – сказал он по-русски совершенно без акцента и вернулся к беседе.

– А ты не верила! – Чугунов был жутко доволен. – Серёга переехал в Нанси с родителями. У него Михеев живёт.

Полина вздрогнула. Любое упоминание Михеева заставляло ее вздрагивать и немедленно начинать соображать, как полученная информация сможет ей пригодиться. На этот раз в голову не лезло ничего путного. Полина вновь уставилась на спину Михеева и на красочные репродукции афиш Му-

лен-Руж Тулуз-Лотрека, развешанные на стене.

«Саша, нравится ли тебе творчество Тулуз-Лотрека?» – придумывала Полина повод заговорить и немедленно ругала сама себя: «Какая ересь!»

Вдруг рядом с Полиной остановился официант и принялся внимательнейшим образом ее разглядывать, удивленно поднимая брови. Чугунов первым заметил официанта и разбудил Полину от мыслей:

– Смотри. На тебя официант вылутился.

Полина обернулась, и официант начал восклицать и размахивать руками. Полина с Чугуновым не понимали ни слова. На возгласы официанта, наконец, отвлеклись французы и начали также быстро говорить ему в ответ. Они оживленно переговаривались, то и дело указывали на растерянную Полину, наконец, дружно рассмеялись, официант раскланялся и ушёл, а Серж перевел:

– Гарсон спутал тебя с какой-то девочкой, которая вчера поужинала в их ресторане. Вместе с приятелем она не расплатилась и удрала. Гарсон ужасно удивился, что она набралась наглости прийти вновь! А когда мы ему объяснили, что он ошибся, извинился за недоразумение. Видимо, сильно заработался.

– Колбасников когда-то говорил, что у тебя есть двойник, – не вовремя вспомнил Чугунов.

«Чтобы Глаша оказалась в Париже, да, быть не может!» – подумала Полина. И кольнула совесть от того, что за целый

день Полина не вспомнила о друзьях.

Глава 3. Сакре-Кер

Начиналась ночь, теплая, как летняя. Сакре-Кер заменял луну, бледно-серый, огромный, будто ледяная глыба. У подножия базилики на широких ступенях лестницы сидели люди, глядя с холма на распростёртый под ногами звездный Париж. Мерцание ночного города сводило Полину с ума и наполняло невыносимой тоской.

Переступая через мусор под ногами, подошла Варя, а сразу за ней подскочила Ксюша.

– Варька, сфоткай меня! – суежилась Ксюша и, не дожидаясь ответа, всучила Варе телефон. – Подожди – я позирую . . .

Полина заметила, как поморщилась Варя, наблюдая за Ксюшей. Та отбежала назад, взъерошила жиденькие волосы, впопыхах поправила чёлку, опустила руки вдоль тела, неуклюже изогнулась и расплылась в неестественной улыбке:

– Всё! Готова! Фоткай!

Варя сделала пару снимков и вернула телефон в трясущиеся от восторга руки.

– Ну что, девочки, киснете? Хотите, я вас сфоткаю?

– Нет, не хотим, – ответила Варя. Полина улыбнулась, видя, как Варю передергивает при слове «фоткаться». Но Ксюша ничего не замечала и продолжала недоумевать:

– Почему? Как можно не фоткаться в Париже!

– Не люблю малоинформативные фотографии, – ответи-

ла Варя, поняв, что Ксюша не отвяжется. – Мне не нужна фотография на фоне Сакре-Кер. Я в состоянии запомнить автобиографические моменты своей жизни. Другое дело получить томограмму собственного головного мозга – это, я понимаю, фотография на память! Если делать томограмму мозга каждый год, то можно отслеживать, как мозг меняется, как образуются новые нейронные связи в процессе обучения. Ты же знаешь, что обучение анатомически меняет мозг. Ты не задумывалась сделать себе магнитно-резонансную томографию?

Ксюша выпучила глаза и отрицательно завертела головой.

– И моя Маман игнорирует просьбу сделать мне магнитно-резонансную томографию. А я в ответ бойкотирую фотографирование.

– Ясненько, – протянула Ксюша, скривив тонкие губы, и пошла прочь.

– А вот и Маман, – у Вари зазвонил телефон. – Будет упрашивать прислать фотографии ее ребенка в Париже. Желает хвастаться перед подругами. Расскажу ей, что привезу в подарок бычьего цепня.

И Варя, довольная своей выдумкой, отошла разговаривать с мамой.

Позади раздались счастливые возгласы и хохот. Полина обернулась: Михеев, окруженный девчонками-старшеклассницами и француженками, позировал на фоне базилики. Полина невольно залюбовалась им и глубоко вздохнула. Еще

накануне в предвкушении путешествия ей казалось, что вот-вот в Париже между ней и Михеевым случится чудо!

Но чудо не случилось. «...Достать чернил и плакать...» — Полина отвернулась, задев сапогом пустую бутылку. Та со звоном покатила по ступеням, заглушая радостный громкий смех.

Полина спустилась на несколько ступеней следом, потом ещё чуть-чуть, слышались манящие звуки гитары, и так сильно убежать захотелось! Так захотелось скрыться на улочках Монмартра, что еще немного и она сорвется с места и затеряется в ночном Париже.

И вдруг раздался ее собственный голос:

«Дома до звёзд, а небо ниже,

Земля в чаду ему близка

В большом и радостном Париже

Все та же тайная тоска...»

На фоне сияющего города девочка в кепке набекрень и в длинном развевающемся плаще распростерла к небу руки и громогласно декламировала стихи. Смолкла гитара, притихли разговоры. Люди с любопытством разглядывали чтеца и улыбались пафосу исполнения. Девочка размахивала руками и встряхивала головой, шептала и стонала, завывала и с придыханием восклицала:

«Шумны вечерние бульвары,

Последний луч зари угас,

Везде, везде всё пары, пары,

Дрожанье губ и дерзость глаз...»

Наконец она размашисто отвесила поклон, едва не задев головой ступени. И тут все заплодировали, закричали: "Bravo!" А девочка с кепкой в руке обошла публику.

Закончив сбор и взвесив добычу, она перепрыгнула через несколько ступеней по направлению к Полине. Ее длинный плащ развевался, как у супер-героя.

– Какая неожиданная встреча, согласишься?! – засмеялась Глаша и набросилась на Полину, крепко сжав ее в объятьях. Полина остолбенела от неожиданной встречи, а Глаша затараторила:

– Как я тебе благодарна за стишок! Не зря ты его бубнила себе под нос. Я и выучила!

– Это стихотворение Марины Цветаевой. Его не надо было орать.

– Не важно! Важно, что с Колбасой на нем уйму денег за день заработали. Передавай Марине большущее спасибо! Наконец сможем расплачиваться за еду.

Полина пришла в себя:

– Глаша! Глаша, постой. Но как вы здесь очутились? Где Кира?

– Вашу тётю, мы в Париже! – крикнули Полине прямо в ухо. Девочка оступилась от испуга, но Кира не дал ей грохнуться. Он был в той же толстовке, что и в саду, с тем же рюкзаком с надписью: «Не прислоняться». Как будто прямо из сада дворца творчества вышел прогуляться по Монмарт-

ру.

– Откуда вы взялись? – допытывалась Полина, но Глаша схватила ее за руку и потащила вниз по ступеням.

– Куда вы меня тащите? – перепугалась Полина. – Мне нельзя уходить далеко от группы. Сбор через пятнадцать минут.

– Успеем! – заверила Глаша, и они втроем понеслись вниз по нескончаемым лестницам, зигзагами, маневрируя между развалившимся на ступенях людьми. Затем по скверу, по мокрой траве и, конечно, перемахнули через забор на мостовую. Полина влезла на забор и услышала, как рвется ее пальтишко.

На бегу Глаша рассказала о том, что произошло.

– Приходим к тебе. Нас твоя мама встречает. С платком на голове и говорит, – тут Глаша притормозила, чтобы изобразить интонации мамы Полины. – «Кирилл, я полна сочувствия. Полина мне рассказала. Ты даже представить себе не можешь, какая у меня мигрень от переживаний». За голову схватилась и в комнату ушла. Выходит твой папа, хлопает Киру по плечу: «Старик, повезло тебе, что Лисофанже есть! До восемнадцати лет время быстро пробежит, поверь моему опыту». Радужней встречи никогда не бывало! – воскликнула Глаша и продолжила. – Ну мы и пошли в Лисофанже. Забрались, как обычно, под стол, а там и не Лисофанже вовсе – незнакомая улица. Я, разумеется, полезла посмотреть, что к чему. Кира за мной. Только вышли на улицу, назад оборо-

чиваемся – кладка кирпичная. Вот и весь сказ!

– Как в фильме «Окно в Париж»... – рассеянно произнесла Полина.

Они сошли с туристической тропы и оказались в нелюдном переулке. Глаша привела их к полуразрушенной пристройке у старого дома. Пристройка была оплетена диким виноградом с алыми листьями, а с ее крыши нападали куски красной черепицы. Глаша шустро расчистила часть стены от винограда, порылась в карманах и вытащила синий мелок:

– Рисуй!

Полина взяла мелок и неуверенно повертела его в руках:

– А если у меня не получится? Если Лисофанже исчезло навсегда?

– Рисуй волны! – разозлилась Глаша. – Просто рисуй волны. Время, время!

Полина опомнилась и послушно принялась рисовать волны. Волны, волны, волны появлялись на стене, крошилась штукатурка, ветки винограда лезли под руку, но волны появлялись и появлялись. Глаша и Кира за спиной Полины напряженно вглядывались в рисунок.

– Долго ещё?

– Вроде закончила ... – ответила Полина, но стена молчала: настоящие шумные и могучие волны не проступали сквозь нарисованные.

Глаша со всей силы пнула ногой стену. Штукатурка вместе с волнами легко осыпалась на землю.

– Что ты наделала! – прокричала Полина в отчаянии. «Что теперь будет! – несло в ее голове. – Если Лисофанже исчезло навсегда...» На глазах начали наворачиваться слезы.

– Тебе, Полина, пора возвращаться, – как ни в чем не бывало заявила Глаша. – Дай знать, если получится вернуть Лисофанже. А мы с тобой, Колбасников, еще не нагулялись по Парижу.

Кира равнодушно пожал плечами и плюнул в грудь штукатурки.

Полина вернулась к месту сбора вовремя. Никто и не заметил ее исчезновения. Варя до сих пор разговаривала с мамой. Полина по привычке принялась высматривать Михеева. Неожиданно он сам едва не наскочил на нее, прибежав с опозданием.

– Ого, как ты перепачкалась! У тебя лицо синее, – сообщил Михеев, огибая Полину.

– Ой, – обрадовалась Полина его вниманию и сообразила, что утирала лицо синими от мелка руками. Вдобавок к порванному пальто. Вдобавок к исчезновению Лисофанже. Но взгляд Михеева перечеркивал все невзгоды.

Глава 4. Латинский квартал

Глаза слипались. Полина прикорнула на плече у Вари в сквере Рене Вивиани. Шум старинного фонтана убаюкивал. От поздних осенних цветов веяло летом. Парижское солнце конца октября согревало как теплое одеяло.

– Я заглянула в двери Сорбонны, – рассказывала Варя, переплетая косу. – Ни черта не разглядеть – слишком темно. В восемнадцать лет я заморожу яйцеклетки, остановлю менструацию и отдамся науке. Возможно, одно из высших образований я решу получить именно здесь.

– А ты будешь давать имена замороженным яйцеклеткам?

– Нет, Полина. Я не настолько сентиментальна, как ты.

– А я бы их назвала Александровнами, – мечтательно проговорила Полина. – Александровна первая, Александровна вторая, третья... – и, проваливаясь в сон, подумала: «А ведь только три часа дня!»

Ночью она рисовала волны до мозоли на пальце, до последнего листка блокнота путевых заметок. На стенах гостиничного номера Полина не решилась рисовать, поэтому приклеивала мыльной водой на стену листки с волнами и вглядывалась, вглядывалась в рябой рисунок, пока не заснула на полу.

– Скорее! Пошли за нашими французами – они нам жрачку оплатят, – разбудил Полину голос Чугунова.

Со всех сторон раздавались возгласы и вопросы: «Что уже уходим? Что случилось? А куда все идут? Эй, меня подождите – я вас всегда жду!»

Полина поплелась вслед за Чугуновым и заметила, что к их французам прибился Михеев. И сразу в носу защекотало, а глаза заслезились от того, как высокий носатый брюнет блистал в лучах солнца.

Французы нудно, щепетильно выбирали ресторанчик. Заглядывали то в один, то в другой. Наконец, остановились на крошечном китайском заведении с узким залом. Крохотная китаянка шустро сдвинула маленькие столики в один ряд. Французы с Михеевым расселись так, что Полине с Чугуновым достались два крайних места у выхода.

Откинувшись на спинку стула, Полина косилась на коротко стриженный затылок между двумя брюнетками француженками.

– Меню китайское с французского перевести – pardonne-moi! – возмутился Чугунов, рассматривая меню. – Выберем что поблагозвучнее. Лишь бы не медузы под соусом.

Полина безразлично кивала. Пусть медузы под соусом. Вдруг она встрепенулась:

– Я у Саши спрошу! – осенило ее. Девочка воспрянула духом: «Или наш единственный разговор в Париже будет про синее лицо».

– Не отвлекай его, – посоветовал Чугунов. – У него шурум-бурум с брюнеткой. Говорят, они вчера в номере запер-

лись. Не достучаться было.

Полина остолбенела. Рядом суетилась китаянка, расставляла стаканы, приборы, палочки. Потом перед Полиной появилась тарелка с бурым рисом. Сверху лежали клубком тонкие желеобразные лохмотья.

– По вкусу похоже на капусту. Хрустит. Видимо, овощи китайские или водоросли. Есть можно, – комментировал Чу-гунов, наворачивая за обе щеки.

Полина отрешенно накручивала на вилку лохмотья. «Неужели попытки обратить на себя внимание Михеева тщетны? Неужели напрасны!?»

То и дело раздавались взрывы хохота, в котором Полина ясно отличала его смех.

От навалившейся невыносимой тоски отвлекло сообщение Глаши. Она интересовалась, где находится Полина, радовалась совпадению – они с Кирой поблизости, и, в конце концов, заявила, что они немедленно прибудут перевести дух и перекусить. «Нет, как же вы придете? Вас увидят!» – запротестовала Полина, но Глаша не ответила.

Спустя пару минут к стеклянной двери в стеклянной стене прислонился шут в черно-красном колпаке с бубенцами, а за ним палач с деревянным топором.

Лица обоих скрывали маски – у шута бело-черный чулок, а у палача – красный – с прорезями для глаз и рта. «Я люблю Париж» красовалась надпись на белой футболке шута, а за спиной болтался красный рюкзак с ценником. У палача по-

верх такой же футболки развевался черный плащ до пят.

Гости из Средневековья шумно вломились в ресторан, не в силах отдышаться. Палач даже облокотился о столик, и столик опрокинулся вместе с палачом. Шут незамедлительно принялся поднимать столик, палача и его топор. Но палач путался в длинном плаще и вновь и вновь ронял столик и топор, а шут поднимал столик и каждый раз заботливо хлопал по столешнице, а бубенцы на его колпаке звякали в такт.

Эта сценка развеселила французов – они даже перестали жевать. Но больше всех покатывался со смеху Чугунов. Пока не подавился рисом.

Наконец, палач уравновесился, отвесил низкий поклон зрителям и с топором наперевес направился к барной стойке. Шут, звеня бубенцами, поплелся следом.

– Pardon madame, savez-vous, ou sont les toilettes? /Простите, мадам, где здесь туалет?/ – спросил палач.

Ошарашенная китаянка указала на маленькую дверцу. Палач распахнул её и принялся умываться прямо поверх маски и громко сморкаться. Шут тем временем показывал китаянке пальцем на свой рот и повторял два слова:

– Voire. Manger. /Пить. Есть./

Китаянка протянула ему меню. Шут озадаченно уставился в названия блюд. Он явно не понимал написанного и то подносил, то отводил меню от глаз. Наконец, ему на выручку вышел мокрый палач, молча выгреб из карманов мятые деньги и кучу мелочи и водрузил их на барную стойку. Затем

засунул топор под мышку, взял с прилавка салаты, а шуту кивнул на бутылки с водой.

Со скрипом отодвинув стулья, гости из средневековья разместились за столиком рядом с Полиной и Чугуновым и незамедлительно накиннулись на салаты.

Французы с Михеевым незаметно поглядывали на соседний столик и улыбались. Чугунов корчил Полине рожи и косил глаза в сторону пришельцев из прошлого.

Шут умял салат за мгновение и устоял на нетронутой тарелке Полины. Доедавший свою порцию палач услышал, что бубенцы затихли, и проследил за взглядом товарища. Взгляды обоих сконцентрировались на буром рисе под прозрачными лохмотьями.

Полина, опередив их хватательный рефлекс, протянула свою тарелку со словами:

– *S il vous plaies!* /Будьте любезны!/
– *Merci beaucoup!* /Благодарю!/ – хором поблагодарили

шут и палач и быстро стали набивать рот рисом.

– Еду отдала придуркам? – возмущенно зашептал Чугунов.

Шут, который недолюбливал Чугунова с первого класса, схватил его тарелку и стукнул одноклассника по лбу. Рис посыпался на голову и за шиворот Чугунова. Тот заверещал от возмущения.

Французы и Михеев дружно ахнули.

– Придурок! – визжал Чугунов, стряхивая с себя рис.

– Винегретик, – не сдержался Кира, ухмыльнувшись. От его слов у Чугунова глаза на лоб полезли.

– Пора уходить, – тихо произнес палач, резко вскакивая и хватая топор. За стеклянной дверью стояли жандармы и смотрели сквозь стекло.

– Через запасной выход, – уточнил палач, и они одним махом выскочили из-за стола и помчались в конец зала.

Шут успел схватить первую попавшуюся бутылку со стойки бара, помахать ею Чугунову и на бегу сунуть в рюкзак.

В это же мгновение с улицы вбежали жандармы и вихрем понеслись за беглецами.

Французы, опомнившись, начали оживлённо обсуждать случившееся. Чугунов на ломаном французском возбуждённо объяснял, что шутом оказался Колбасников.

– Полина, подтверди! Он назвал меня винегретиком! – твердил и твердил Чугунов, но Полина разводила руками и отвечала, что точно не расслышала.

– Мне тоже шут показался похожим на Колбасникова, – закивал Михеев и обратился к Полине, заглянув ей в глаза. – Ты поэтому тарелку отдала. Ты узнала?

Полина с полным надежды взглядом уставилась в его карие глаза, будто пытаясь зацепиться за соломинку. «Есть ли у меня хоть малейший шанс тебе понравиться?» – мысленно молила Полина. Но Михеев ждал другого. И Полина грустно ответила:

– Жалко стало. Я и поделилась.

Глава 5. Сена

По пути из ресторана Полина плелась за французами и старалась не наступать на границы между булыжниками мостовой. Ее ориентиром была розовая куртка Анн-Мари и рука Поля в заднем кармане её джинс.

Узкая пешеходная улица была переполнена толпами туристов. Вокруг спешили, толкались, кричали на разных языках, резко поворачивали к сувенирным лавкам, смеялись, раздражались. А сверху гудящую толпу припекало солнце.

Полине хотелось написать Глаше, узнать, убежали ли они от жандармов, но она не могла набрать сообщение в толчее.

Теснее сгущалась толпа, приходилось проталкиваться, отовсюду раздавалось: «Пардон, пардон».

И вдруг подул ветер. Сначала еле заметно. А когда толпа из узкого проулка будто изрыгнулась на набережную, то сильный порыв свежего ветра растрепал Полине волосы. Над широкой рябой Сеной простирался высокий ясный небосклон. Нотр-Дам врезался в него зубчатым остриём, доставая до солнца. Волны качали остров Сите, привязанный к берегам мостами.

Огромный, светлый, стихийный Париж захватил Полину и заставил затаить дыхание от восторга. И, лишь на мгновение замерев на месте, Полина упустила из виду розовую куртку Анн-Мари и руку Поля в заднем кармане ее джинс.

И вдруг зазевавшуюся Полину чуть не сбили с ног: Кира пролетел мимо нее, толкаясь и сталкиваясь с прохожими. Шапки с бубенцами, как и носка на лице, уже не было. За ним, распахивая людей во все стороны, гнались жандармы. Толпа на набережной гудела от возмущения. У Полины перед глазами происходящее смешивалось в мелькающую пестроту.

Крики и возгласы в толпе вдруг резко усилились. Люди показывали руками на мост.

Полина еле-еле протиснулась к самому парапету: Глаша стояла на перилах моста. Она отмахивалась топором от прохожих, пытающихся её оттуда снять.

– Heу! Attrapez-moi! /Эй! Поймите меня!/ – кричала она жандармам. Те услышали ее крик и немедленно свернули на мост, оставив Киру. Тот, бежавший из последних сил, шмыгнул в проулок и был таков.

Отпихивая от себя спасающих ее людей, Глаша не удержала равновесие и под громогласный возглас толпы полетела вниз.

Девочка сгруппировалась в воздухе и нырнула с головой в темные воды Сены. Люди в отчаянии орали, свистели, визжали.

Даже Полина ужаснулась ее поступку. Хотя знала, сколько раз Глаша прыгала из Летающей квартиры в океан ради забавы.

Идущий мимо прогулочный катер остановился рядом с

девочкой. Человек на катере кинул Глаше спасательный круг и протянул руку, чтобы помочь ей влезть. Глаша ловка вскарабкалась на борт. Вода текла с нее ручьями.

Жандармы с берега указывали шкиперу причаливать к ближайшему гаванцу, который находился за мостом. Катер послушно взял курс на гаванец, несмотря на все попытки Глаши помешать ему.

– Ты погляди, какие во Франции сумасшедшие подростки! – воскликнула стоящая рядом с Полиной туристка из России.

– Паркур называется, – пояснил ей муж.

Разглядеть, что происходило дальше, Полине не удалось.

Глава 6. Гостиница на обочине

Последняя ночь в Париже.

На другой день – отъезд в Нанси на неделю.

«Что с Глашей?... Что с Кирой?... Как вернуться в Лисофанже?» – в голове Полины роились вопросы без ответов. Она все еще была потрясена случившимся. И не одна она.

На улице перед входом в гостиницу толпились ребята и оживленно наперебой разговаривали.

– Палача до сих пор не нашли, как он спрыгнул с катера под мостом.

– Палач оказался девочкой. Она спрыгнула с лодки, когда ее хотели арестовать. Ищут водолазы, – зачитывал новости Михеев. – Разместили фотографии с камер наблюдений. Похоже шутком действительно был Кира.

– Кира неблагополучный, – распялялся Чугунов. – Он вор. Они с палачем обворовывали туристов. Как он в Париже очутился? У него мать вообще от передозировки наркотиков умерла.

– А я слышала, что она уже пару месяцев дома не появлялась, что она проститутка. Домой мужиков водила, поэтому Кира на чердаках ночевал или у соседки, – рассказывала Ксюша.

– Он в коммуналке или в подвале жил, и его соседка из жалости обедками подкармливала.

– Да-да! А соседка в дом престарелых сбежала и комнату государству сдала. Одинокая была и боялась, что ее топором зарубят, – поддакивала Ксюша.

– Он точно сопьется или наркоманом станет, потому что гены. Мне мама говорила. Если его в детдом заберут, то оттуда сразу в тюрьму. Потому что они в детском доме поголовно пьют и воруют.

– Заткнулся, винегретик! – не выдержал Михеев, и Чугунов моментально смолк. Полина благодарно посмотрела на Михеева. – Кира нормальный парень. Просто ему не повезло.

– Да-да! – поддакнула Ксюша. – Кира очень хороший. Он никогда не унывал!

Полина пошла прочь по липовой аллее в сторону большого супермаркета. Когда она проходила мимо густого кустарника, то услышала, как ее окликнули. Девочка нерешительно остановилась и прислушалась.

– Полина... – услышала она вновь. Голос доносился из зарослей:

– Это я – Кира...

– Кира? Кира, это ты?

– Да, это я... – простонал из кустов Кира. Полина отодвинула колючие ветви и с трудом пробралась внутрь. Кира, скрючившись, валялся на сырой земле посреди объедков. Когда Полина вступила в скользкую жижу своими сапожками, то догадалась, что Киру рвало. Рядом валялась пустая

бутылка из китайского ресторанчика.

– Как ты здесь оказался? Где Глаша? – недоумевала Полина.

– Откуда я знаю? Как с моста сиганула... Я сам драпал... Хорошо, я адрес твоей гостиницы наизусть помнил. Мы договорились: встречаемся здесь. Девушка лысая меня довезла. Довезла, даже денег брать не стала... Черт, сколько времени я здесь? Я спрятался. Сама понимаешь, если меня поймают. Ждал, когда ваш автобус приедет. Ну, или Глаша. А у меня лимонад в рюкзаке... Я пить хотел, ужас. А он горький – пошло китайское. Я отравился! Вообще встать не могу... ноги не слушаются... Меня вывернуло всего...

Полина присела на корточки и внимательно посмотрела на бутылку.

– Кира, это не лимонад, – сообщила Полина, – это персиковое вино.

Кира только застонал в ответ.

– Хорошие новости в том, – продолжала взволнованная Полина и затараторила, – что тебе повезло с сочетанием ферментов, ответственных за переработку алкоголя. Проще говоря, этиловый спирт в твоём организме мгновенно перерабатывается в уксусный альдегид. Это сильный яд, вызывающий неприятные ощущения, которые ты сейчас переживаешь. Здоровый человек всегда будет блевать. И прямо сейчас у тебя идет процесс переработки уксусного альдегида в уксусную кислоту. Когда этот процесс завершится, тебе ста-

нет легче.

– Ты говоришь, как Варя. Я ничего не понял. В чем хорошая новость? – еле выговорил Кира, утыкаясь лбом в прохладную землю.

– Хорошая новость в том, что в твоём случае вероятность смерти от алкоголизма стремится к нулю! – радостно пояснила Полина. – Когда мы с Варей ставили на себе похожий эксперимент, мы так и не смогли дойти до стадии токсического отравления, поэтому не получили достоверных данных...

Кира с трудом поднял голову и уставился на Полину:

– Что вы с Варей?!

– Ставили эксперимент. Мы хотели задокументировать максимально-возможную дозировку алкоголя для себя, чтобы в будущем не пропустить тот момент, когда, возможно, будет нарастать толерантность к этиловому спирту, – оправдалась Полина. – Мы пили наливку бабушки Вари мерными стаканчиками. Записывали свои ощущения в полевой дневник и ...

– Полина, не хочу знать подробности, – взмолился Кира. – Принеси воды! Воды...

– Кира, я проведу тебя в свой номер. Анн-Мари ночует у Поля. Только как провести тебя незаметно?

Полина помогла Кире подняться на ноги. Его шатало. Они чуть не завалились обратно на землю, но ухватились за колючие кусты.

– Тише, – зашептала Полина, удерживая изо всех сил Киру. Мимо по дорожке проходили их одноклассники в супермаркет.

– Когда Иномарка заснет, начнется отвальная перед отъездом в Нанси, – говорила кому-то Ксюша. – Старшеклассники с французами собираются в номере у Михеева. А нас не зовут. Нам по тринадцать, а не по три! Да, они всего на три года старше!

Дождавшись, когда голоса стихнут, Полина выглянула из кустов. Входы в номера были расположены на открытых террасах, куда вели лестницы прямо с улицы. Нужно было уличить момент, когда у входа никого не окажется. Пока Полина отслеживала момент, Кира норовил завалиться обратно на землю. Но Полина поднимала его и просила быть наготове.

Из гостиницы постоянно кто-то выходил и шел в супермаркет за сухим пайком в дорогу до Нанси. Когда Полине стало казаться, что придется сидеть в кустах до ночи, наступил долгожданный момент затишья. Полина поволокла Киру к номеру. И в этот момент ее начал разбирать смех. От смеха она еле удерживалась на ногах, и становилось еще смешнее. На последних шагах к номеру уже не Полина, а Кира волочил за собой трясущуюся от смеха девчонку.

Закрыв за собой дверь, Полина продолжала трястись от смеха. Кира немедленно пошел в ванну и долго не мог напиться из-под крана. Затем порылся в чемодане Полины, раздобыл одежду и ушел в душ.

Когда он вернулся в розовой футболке с единорогом и обтягивающих сиреневых лосинах, Полина лежала на кровати и рыдала в покрывало.

Кира присел рядом, вытянув ноги в лосинах, как танцор балета.

– А если ... А если... – всхлипывала Полина. – А если Глаша утонула...

– Глаши не тонут, – уверенно сказал Кира. – Глаши всегда выныривают. Лучше помоги тому, кому можешь помочь.

– Кому? – удивленно спросила Полина, поднимая голову и видя перед собой единорога. Она присела на кровать, чтобы лучше разглядеть Киру, и ее стал разбирать смех сквозь слезы.

Глава 7. Глаша признается в любви

Супермаркет находился через дорогу. Полина торопилась, набивая корзинку продуктами и одеждой для Киры. У касс вертелся Чугунов с приятелями.

– Ничего себе ты запаслась! – засмеялся Чугунов, вогнав Полину в краску. – Ну ты и обжора!

Ребята засмеялись и с любопытством наблюдали, как кассир пробивает большую ветку бананов, мандарины, три багета, несколько видов сыра, три бутылки молока, йогурты, несколько упаковок печенья и три плитки шоколада. А когда дело дошло до мальчиковой футболки, куртки и спортивных штанов, Чугунов разразился хохотом:

– Это запасная одежда на случай, если тебя разнесет в автобусе от переедания?

Раскрасневшаяся Полина пулей выскочила из супермаркета и с огромным пакетом в руках направилась к гостинице.

На обочине Полина заметила Инну Марковну и учителя французов. Они кого-то отчитывали.

– И куда ты ездила среди ночи в чужой стране? Вот от кого, а от тебя я такого не ожидала! – донесся до Полины высокий певучий голос.

– Ну, а если бы с тобой что-нибудь случилось? Что бы я сказала твоим родителям? Полина, ты понимаешь, что так делать нельзя? Посмотри, в каком неопрятном ты виде! Чем

от тебя пахнет?

Полина спряталась за пакетом и незаметно продвигалась за спинами учителей в сторону гостиницы. Она подавала Глаше знаки следовать за ней.

– Иди немедленно в номер. Я прослежу, чтобы ты из него до утра не выходила! – голосила учительница.

Полина вбежала на второй этаж, и Глаша проследовала следом. Как только они оказались в номере, Полина бросила пакет и кинулась к Глаше в объятия:

– Глаша, как я рада!

Но от Глаши доносился до того умопомрачительный запах канализации, что Полина не выдержала и разжала объятия.

И тут раздался стук в дверь.

– Иномарка! – перепугалась Полина. Глаша немедленно схватила пакет с продуктами, сунула его обратно Полине и, отпихнув девочку к стене, распахнула дверь.

Но за дверью стояла вовсе не Инна Марковна. Это был Михеев. Полина оказалась зажата между дверью и стеной. Через щель ей было хорошо виден его нос. Девочка замерла, стараясь не зашелестеть пакетом.

– Э-э-э, – замялся Михеев при виде Глаши, – извини, я думал здесь Анн-Мари. Если встретишь ее, передай, что встречаемся у меня после двенадцати.

Глаша стояла, подбоченясь. Ее футболка приобрела зеленовато-серые оттенки Сены. У размокших кроссовок отслоились подошвы. Волосы слипшимися паклями свисали до

плеч. Но затмевал всё смердящий запах. Полина едва дышала от страха и то чувствовала ароматы гнили.

– Постой! – властно сказала Глаша.

И Михеев нехотя остановился, поморщив длинный нос.

Полина отчаянно распахнула глаза, догадавшись, что задумала Глаша.

– Михеев, неужели ты ничего не замечаешь?

– Я замечаю, что от тебя разит как от помойки. Где ты перепачкалась?

– Это детали, – пренебрежительно бросила Глаша, – а главного ты не замечаешь?

– Чего? – не понял Михеев.

– Того, – ответила Глаша и запнулась, потеряв мысль. Приключение в Сене ее порядком подкосило: она едва держалась на ногах от усталости. Но вопреки торможению мыслительных процессов, Глаша продолжила:

– Того, что я сильно стараюсь. Из кожи вон лезу, чтобы ты заметил.

– Я тебя не понимаю, – Михеев торопился и хотел поскорее отделаться от разговора. – Ближе к сути.

– Да, ты совсем, дурак, Михеев, – вздохнула Глаша. – Влюбилась в тебя по уши. Не замечаешь?

Михеев поморщился еще сильнее то ли от запаха, то ли от признания.

– Полина, я замечаю, – наконец, ответил он, и у Полины сжалось сердце. – Но не могу ответить взаимностью.

И сердце Полины разлетелось на мелкие осколки. Ноги стали ватными, будто мир под Полиной рушился. И как сквозь туман откуда-то издалека она слышала возмущенный голос Глаши.

– Это еще почему?

Михеев развел руками, подбирая слова. Напор девочки ввел его в замешательство.

– Хочешь сказать, что я тебе не нравлюсь? – Глаша распахнулась, как печка, в которую закинули излишек дров. – Я замечательная, сообразительная, немного заторможенная, знаю стихи, леплю из пластилина, пишу статьи в газету, у меня понятный почерк и серые глаза, я люблю ириски и бeze, и даже кабачки, и даже вареный лук, и манную кашу. Я смотрю авторское кино и мультики и причесываю волосы каждое утро, а еще у меня родинка под лопаткой, электрическая зубная щетка и коллекция насекомых в шкафу, которая воняет. А еще я знаю, что значит слово про-кра-сти-на-ция. Я много читаю. Как я могу не нравиться?

Глаша перешла на громогласный рык и стала наступать, так что Михеев попятился:

– Я не отрицаю твоих заслуг, – отступал Михеев, – но пойми, наконец, я не испытываю к тебе

– Что ты сказал? А ну повтори?

– Ты мне не нравишься, Полина! – заорал Михеев, не сдержавшись.

Схватился за голову и немедленно пошел прочь быстро-

ми большими шагами. Глаша со всего размаху захлопнула дверь.

И наступила оглушительная тишина.

Полина сползла на корточки, прижимая к себе покупки. Глаша склонилась над ней и заглянула в пакет. Затем вытащила мандарин и, сняв шкурку, целиком запихала в рот.

Из-под кровати выполз Кира. Глаша увидела сиреневые лосины и веселого единорога, одобрительно кивнула и промычала с полным ртом:

– О ы э а и а!

Что значило: «О, ты мне нравишься!»

Глава 8. Волны Лисофанже

– Какими судьбами? Я уж и не надеялся, – буркнул Кира.

– Да, я вижу, – Глаша кинулась на кровать.

– Куда ты на кровать прямо? – возмутился Кира, стаскивая ее за ногу. – Да тебе не помешало бы помыться!

– Поем и помоюсь. Я порядочно намылась. Меня от воды мутит. Я голодная, – Глаша свалилась на пол и по-пластунски поползла к Полине. – Еды...

Полина безучастно поставила перед ней пакет, и Глаша принялась выгребать продукты, открывая и пробуя всё подряд. Кира махнул рукой, присел рядом и последовал ее примеру.

– Представь, нас спутали с ребятами, которые рекламу раздают! Те, то ли вообще не пришли, то ли опаздывали. Нам костюмы выдали. Да я футболку себе купила, – Глаша вытянула ее на себе. – Ого, я ее запачкала! А Кирюхе – новый рюкзак. Его старый ночью на вокзале сперли. Вместе с телефоном.

Глаша откусила огромный кусок сыра и запихнула в себя треть багета. Когда проглотила, то продолжила:

– Да, к нам жандармы привязались. Что им понадобилось от добропорядочных раздатчиков рекламы?! Но привязались не на шутку, подтверди Кира!

Кира мрачно кивнул. Он не делал свои фирменные бутер-

броды, а просто ломал багет и сыр.

– Я говорю Кире: «Главное носки с лица не снимать». Иначе будем красоваться там... ну там, где фотогалерея у жандармов. А этот балбес снял, – Глаша многозначительно посмотрела на друга. – Конец тебе, Кира Колбасников. Они выслеживают тебя... крадутся по твоему следу... они разоблачат тебя ... даже в обличье единорога!

– Отстань, – раздраженно отмахнулся Кира.

– Вам и не снилось, как я под мостом пряталась. Потом чуть ли не в канализацию угодила и в мусорном баке отсиживалась. Телефон захлебнулся и умер. А как я коленки поцарапала! Смотрите, какие царапины, – Глаша зажала в зубах багет, и сквозь порванные штаны гордо продемонстрировала разбитые коленки.

– Полина, возвращай нам Лисофанже, как хочешь, – подытожила Глаша, дожевывая багет с сыром вприкуску с мандарином и молоком. – Нагулялись мы по Парижу.

И вновь волны, волны, волны... Синим мелком по стене.

Глаша с Кирой тихо посапывали на кровати. Кира заставил-таки Глашу принять душ и переодеться. Разобрал Глашин телефон и положил на батарею.

Глаша ворочалась, подпихивала под Киру ноги и руки, пару раз спихивала его с кровати.

Полина сидела на коленях перед изрисованной стеной и молила Лисофанже появиться. Глаза слипались. Сил не было. В голове звучал лишь голос Михеева: «Я не могу отве-

тить взаимностью...».

Ее разбудила Глаша. Уже светало. Полина, свернувшись калачиком, лежала на диване. Она замерзла без одеяла. Глаза с трудом раскрылись.

Глаша с Кирой были уже одеты. В красный рюкзак они положили оставшуюся еду. Полина отдала им свои карманные деньги.

– Простите меня, – прошептала Полина, ежась от холода. – Я позвоню Кенту. Он поможет.

– Кент? – горько ухмыльнулся Кира. – Кент – это уже не Кент на жуке плавунце. Что он сделает? Сдаст нас обоих в детский дом?

– Хватит ныть! – отрезала Глаша. – Рано сдаетесь. Пока Полина во Франции, мы будем возвращать Лисофанже. Ясно вам обоим?

– А если не получится? – на этот раз не выдержал Кира. – Что будет, если не получится?!

В голосе Киры Полина впервые отчетливо услышала злость и отчаяние. Ей стало страшно за него, за неунывающего Киру.

– А если не получится, – спокойно и глубокомысленно ответила Глаша, – мы подумаем об этом тогда, когда не получится.

Глава 9. По дороге в Нанси

За окном автобуса на трассе Париж-Нанси плыли холмы, покрытые полями, словно ласкучным одеялом, пестреющие жёлтыми и зелёными квадратами. Так, откинувшись на сиденье, Полина провела пять часов, пропуская перед глазами бесконечные пейзажи. Леса вдалеке выглядели черной изорванной кромкой. Редко встречались придорожные поселения: аккуратные, как игрушечные домики.

Варя делилась с Полиной сухим пайком – йогуртами с кукурузными палочками.

– Обожаю ГМО, – вздыхала Варя. – Когда я сообщила Маман, что ее любимые йогурты производят при помощи генно-модифицированных микроорганизмов, ты бы видела выражение ее лица! Если б она знала, как ей повезло, и как сложно найти продукты с ГМО.

Полина безучастно кивала, но в конце концов не выдержала и рассказала Варе о признании Михеева, не упоминая о Глаше. Полина не хотела раскрывать подруге тайну Лисофанже, ей не хотелось искать разумные объяснения его существования.

Варя выслушала Полину и сказала:

– Счастье – это самодисциплина. Если б ты смогла конвертировать свои эмоции в полезную энергию, ты была б абсолютно счастлива. Рыдаешь – работаешь, рыдаешь – рабо-

таешь.

Полина прижалась горячим лбом к холодному дребезжающему стеклу:

– Я так не могу...

– Тогда вспомни, сколько положительных эмоций подарил тебе Михеев. Одно ваше знакомство чего стоит!

Полина нехотя вспомнила, как в начале сентября высматривала в толпе старшеклассников ярко-желтый пиджак...

.... И когда Михеев являлся, Полине казалось, что вокруг него все белым бело озарено светом – точно Михеев вареное яйцо в разрезе.

– О-ля-ля, – думала Полина, приоткрыв рот, – как он крут!

– Михеев меня не замечает, – делилась Полина с Варей. – В этом месяце Михеев выпускающий редактор номера. Он присутствует на всех занятиях по журналистике и отбирает материал в номер. Если б я смогла написать нечто особенное! А не про дурацкие выставки, дурацкие спектакли и дурацкие книги. Представляешь, я бы читала, а он бы слушал и смотрел на меня, и удивлялся, и ...! – у Полины аж дух захватывало от счастья.

– Логично, что Михеев тебя не замечает. Вы не знакомы, – последовательно отвечала Варя. – Вариант со статьей мне нравится.

– Да, нужна актуальная, смелая, возможно, провокационная тема! – у Полины загорелись глаза. – Но что? Как

сложно придумать...

Мысли Полины метались, как горох в банке. Девочка с надеждой взывала к подруге:

– Варя, что придумать? Что придумать?

– Актуальная, смелая и немного провокационная тема, – вдумчиво повторила Варя. Она часто напоминала Полине поисковую систему с готовыми ответами на любой вопрос, – это начало менструации у девочек, – выдала Варя.

От неожиданности Полина вздрогнула, покраснела и замотала головой.

– Исключено! – чуть ли не закричала Полина. – Варя, что ты!

– Заметь, как ты отреагировала, – невозмутимо сказала Варя. – Значит, тема зацепила тебя, спровоцировала на эмоции. Это, во-первых. Во-вторых, ты должна согласиться, что менструация для тебя, как и для других девочек нашего возраста, актуальна. В-третьих, открыто говорить и писать о менструации – это смело, а кроме того важно и необходимо. Следовательно, тема подпадает под три критерия, которые ты задала.

– Ни за что! – сопротивлялась Полина. – Я не буду писать об ... этом. И еще зачитывать перед Михеевым.

– Полина, начинай. Мы слушаем, – сказала Дарья, главный редактор газеты. Полина любила и побаивалась Дарью за ее резкий характер и прямолинейность, которые так шли

к ее короткой стрижке и черной косухе.

Полина встала, скрипнув стулом, и в нерешительности покосилась на скучающих ребят, сидящих за длинным столом. Колбасников зевал и рисовал в тетрадке. Михеев, вальяжно заложив ногу за ногу, подкручивался в кресле выпускающего редактора и небрежно следил за занятием.

Полина уставилась в распечатанный лист. От волнения заколотилось сердце. Стало страшно. До того невообразимо страшно, как она и представить себе не могла, когда с Варей, хохоча во все горло, сочиняла статью.

– Полина, начинай, – поторопила Дарья, постучав ручкой по столу, чтобы прекратить шушуканье. По аудитории пронесся звон ее металлических браслетов, и все смолкли.

Полина сглотнула и выпалила:

– Менструация: неловкая тема.

Глаза слушателей удивленно уставились на девочку. Михеев описал полукруг в кресле и поднял брови. Колбасников громко рассмеялся, но Дарья резко стукнула ручкой по столу и кивнула Полине.

– О менструации не принято говорить, – начала Полина. – Даже с подружками или мамами многие девочки испытывают неловкость, обсуждая эту тему. Девочки чувствуют себя неуверенными и испытывают тревогу, потому что не всегда есть доступ к достоверной информации. Например, обильные выделения во время менструации могут быть симптомом довольно распространённого заболевания,

как эндометриоз. Выявление и лечение болезни порой откладывается на несколько лет только из-за того, что девочка не может поделиться своей проблемой даже со взрослыми, – Полина тараторила текст изо всех сил, лишь бы быстрее прочесть и скрыться. Навсегда. Прощай, Михеев.

В редакции царила тишина. От собственной смелости и желания поразить этой смелостью Михеева не осталось и следа. Зачем только послушала Варю?

– Предменструальный синдром официально признан заболеванием, – голос Полины дрожал. – Симптомов ПМС огромное множество – от перепадов настроения до панических атак, от утомляемости до бессонницы, а также головные боли и боли в животе. С одним из этих симптомов ежемесячно сталкиваются более 85% девочек и женщин.

«Зачем так много текста?!» – только и думала Полина, читая как могла быстрее.

– Говоря на эти темы открыто, ломая стереотипы, можно помочь многим девочкам, не оставить их с проблемой один на один... – под конец голос Полины окреп и даже слегка зазвенел.

Когда статья закончилась, Полина не решалась поднять взгляд.

– Полина, – наконец, сказала Дарья и улыбнулась, – спасибо. Но прежде чем скажу я, дадим высказаться нашему выпускающему редактору Александру Михееву. Саша, что думаешь?

Михеев еле сдерживал улыбку и, когда заговорил, Полина впервые заметила на себе его взгляд. Волна неопиcуемой радости от его внимания пробежала мурашками по спине.

– Неплохой материал, – закивал Михеев, нацепив на себя вид эксперта, – но я думаю, что место ему не в нашей газете, а в женском глянце. Для половины нашей аудитории, это увы, не актуально, – Михеев снисходительно заулыбался, довольный своей компетентностью.

– А я не согласна! – вдруг заявила Дарья и резко поднялась со своего места, звеня браслетами. – Почему мальчикам это не актуально? Михеев, у тебя есть девушка?

Михеев замешкался с ответом, но Дарья его опередила:

– Сейчас нет, завтра есть. И у девушки будут каждый месяц менструации, а ты, как заботливый парень, будешь ее утешать и поддерживать.

Полина мгновенно представила, как Михеев утешает ее во время менструации. Ей стало очень смешно.

– Полина подняла важную тему, – уверенно продолжала Дарья. – Мы должны ломать стереотипы общества. И как городская школьная газета просто обязаны взять этот материал и поместить его на первую полосу!

– На первую полосу!?! – Михеев взвился от неожиданности на месте и переменялся в лице.

– Да, Александр, – безапелляционно провозгласила Дарья, – на первую полосу! Мы не будем прятать этот материал внутрь газеты. Ему место на первой полосе.

Полина поверить не могла в происходящее. Михеев только беззвучно открывал рот, пытаясь протестовать, а Дарья уже приняла окончательное решение – «Менструация» в печать!

Номер расходился молниеносно. В вестибюле школы Полина только и успевала раздавать принесенные газеты. На первой полосе красовалась девушка с развевающимся алым флагом, на котором большими буквами было выбито «Свобода слову «МЕНСТРУАЦИЯ!»» (Заголовок придумала Дарья). Успех был ошеломляющим!

Когда газеты закончились, Полина заметила невдалеке мрачного Михеева, наблюдавшего за ажиотажем вокруг публикации. Полина набралась храбрости и подошла к нему. Ей не хотелось верить, что Михеев оказался сексистом или шовинистом, как назвала его Варя.

– Привет. Мне жаль, что тебе не понравилась статья... – начала было Полина, но Михеев ее перебил.

– Да при чем здесь статья! – заорал он. – Ты что не поняла – это был мой номер! Я – выпускающий редактор! Моя статья должна была быть на первой полосе! Мое интервью – на первой полосе! Понимаешь? – Михеев распялся не на шутку. – А тут вдруг откуда ни возьмись – Полина с менструацией!

Михеев орал и орал, набирая обороты, грязно ругаясь, размахивая руками и хватаясь за волосы.

– О-ля-ля, как он орал, – блаженно вспоминала Полина,

рассказывая Варя, – как он был великолепен! А ты говорила, чтоб я нашла себе более интеллектуально развитого парня с менее выраженным сексизмом. Эх, Варя, теперь, чтобы загладить вину, я хочу сделать для Михеева что-то очень хорошее...

– Ну, а теперь припомни, что ты сделала для Михеева очень, очень хорошее, – подначивала подружку Варя.

Полина отмахнулась, но в голове тут же возник школьный вестибюль...

... – Ты опоздал! – радостно завизжала на весь вестибюль Полина. Она вцепилась обеими руками в дверной проем и загородила проход долговязому старшекласснику:

– Дневник!

– Дай пройти. Еще только пятьдесят три минуты, – отмахивался долговязый.

– Колбасников, скажи ему! Пятьдесят пять минут! – перекрикивая гвалт учеников, призывала раскрасневшаяся Полина и еле сдерживала напор опаздывающих.

– Пятьдесят четыре, – отвлекся Колбасников от проверки сменки и увидел умоляющие глаза одноклассницы. – А вот уже и пятьдесят пять. Извини, Михеев, – констатировал Колбасников, – ты опоздал. Гони дневник.

Дневник шлепнулся на ладошки сияющей Полины.

– А где сменка? – крикнула она вдогонку желтому пиджаку.

– Отстань от меня, сумасшедшая! – рыкнул разозленный

Михеев и зашагал быстрее.

– Замечание за сменку! Замечание за хамство дежурным! – не унималась Полина, победоносно размахивая отобранным дневником.

– Остановись! – вмешался Колбасников. – Большие не буду тебе подыгрывать.

– Кира, – залепетала Полина, прижимая к груди дневник, – как он мне нравится! Сильно-сильно нравится!

И в качестве благодарности Михееву за возможность им восхищаться – кислотно-розовой блестящей ручкой расписание на три недели вперед. Когда класная вlepила ему выговор за ведение дневника, то как Михеев орал, как он орал. О-ля-ля...

– А помнишь, как мы за ним ходили по всей школе? – ударилась в воспоминания Варя. – У него нервный тик начался! Идет, оглядывается, а всюду мы с тобой под ручку. А помнишь, мячик у них отобрали? Они в рекреации играли, и мячик к твоим ногам отлетел. Ты его хвать и бегом, а Михеев за тобой как ошпаренный! Ты за спиной у Колбасникова спряталась. В каком бешенстве был Михеев! Его даже к завучу отвели, – засмеялась Варя. – Веселый был эксперимент по привлечению внимания!

Полина только вздохнула, не отрывая взгляд от бесконечных полей.

Глава 10. Ночная встреча

В комнате темно. Дверь очерчена рамкой желтого света. Различимы силуэты мебели: комод, табуретка, книжные шкафы, торшер. Растрёпанные букеты искусственных цветов в вазах.

Окно наглухо закрыто снаружи тяжёлыми, плотными ставнями. От того, что оно плотно закрыто, Полине кажется, что в этой комнате вовсе нет окна.

Закрытое ставнями окно давит, как подушка на лице. «Зачем замуровываться на ночь?» – размышляет Полина в первую ночь в доме Анн-Мари. Все кругом чужое, незнакомое, пугающее. Полине не нравится ни дом, ни семья Анн-Мари. Хотя и мама, и папа, и бабушка, и сестры Анн-Мари отнеслись к госте дружелюбно. За ужином бабушка называла Полину «la petite russe princess» и умилялась, что совершенно не понимает Полинин французский, так тихо разговаривает скромная русская девочка.

Полина злится. Она чувствует себя замурованной не только в этой комнате без окна, а в своей жизни – кругом одни ставни – звонки будильника, школьное расписание, запреты, «не отходи далеко от группы», живи в чужом доме с чужими людьми, «рисуй волны», а стена непробиваемая, хоть головой бейся, и с разбегу, и со всей дури врезаешься в «ты мне не нравишься, Полина!».

Свет в коридоре погас – исчезла желтая рамка с двери. Наступила темнота, в которой растворилось все: и силуэты мебели, и Полина.

Пустота, в которую провалилась девочка, была бездонной и без сновидений.

Полина вдруг проснулась и приподнялась на кровати. Снова легла. Окно по-прежнему было плотно закрыто ставнями и кругом было по-прежнему темно.

Тихо-тихо что-то шуршало возле кровати. «Звонят...» – догадалась девочка и, порывшись в сумке, выудила дрожащий телефон в ознобе виброзвонка. На часах высвечивалось "02.48".

– Алло.

– Ты чего не отвечаешь? Полчаса дозваниваемся! У меня телефон хоть и ожил, но он не бессмертен, – кричала Глаша. – Впусти нас в дом! Холодно ночевать на улице. В этой деревне все закрыто. С вокзала нас выгнали.

В полусонном замедленном состоянии Полина переспросила:

– Впустить вас в дом?

– Да!

– В чужой дом ... Как я вас впущу... Как я объясню, кто вы...

– Выгляни в окно. Мы под фонарем стоим. И мерзнем!

– Я не могу открыть окно. Здесь слишком замысловатые ставни...

– Полина, спускайся. Скорее – мы ждём, – протараторила Глаша и отключилась.

Полина оделась, не включая свет: «Что я творю... Как мне выйти на улицу и никого не разбудить?»

Полина медленно опустила ручку двери своей комнаты. Щелчок. Звук эхом раздался по дому!

Замирая от волнения, Полина прокралась к лестнице. Половицы заскрипели. Оглушительным слышался их скрип. Наконец, лестница. Не заскрипела – каменная. Полина почти не дышала и держалась одним пальцем за перила.

Второй этаж. Снова скрипучий пол. Полина сделала два больших шага, и вновь оказалась на лестнице. «Даже думать не хочу, что будет, если меня застукают. Что я, интересно, скажу? Что я лунатик. Черт! Чуть не засмеялась. Представлю, если бы я сейчас во весь голос засмеялась!»

Первый этаж. Тут только Полина поняла, что она ни разу не выходила из этого дома и не знает, как открыть входные двери. «Надо хотя бы попробовать. Как я объясню свое поведение?»

Первая дверь открывалась в обе стороны, туго и тихо. Несколько ступеней вниз: расставленная обувь, Полина узнала свои сапожки и, надевая их, порадовалась, что они без застёжек.

Долго разглядывала и ощупывала замки на второй двери: один повернуть, второй отодвинуть.

Глаша вновь названивала.

Сердце Полины стучало от волнения.

Гулкий щелчок от поворота замка. Полина замерла. Выждала, прислушалась.

Тихо.

Входная дверь осталась приоткрытой, держась на выдвинутой задвижке.

Наконец, маленький дворик с высокими силуэтами кипарисов, будто ночных стражей. Прохлада поздней осенней ночи остудила раскрасневшиеся щеки.

Дрожащими руками она открыла калитку в воротах и зазмурилась от яркого света фонаря.

– Где тебя носит? – возмутилась Глаша, переступала с ноги на ногу в тонкой кофте Полины. Кира сидел на корточках, прислонившись к стене дома, уткнувшись лицом в колени.

Полина осторожно прикрыла калитку и прижала палец к губам, прося Глашу говорить тише.

– Глаша, я не понимаю: вы собираетесь здесь жить? – растерянно спросила Полина.

– У тебя есть своя комната?

Полина кивнула.

– Не переживай! Будем ориентироваться по обстановке, – заверила ее Глаша и, открыв калитку, уверенно направилась к дому.

Полина вновь ощутила мурашки по спине от ужаса, когда они втроем поднимались на третий этаж в ее комнату. Ей чудилось, что вот-вот включится свет и отовсюду выскочат

папа, мама, бабушка и Анн-Мари с сестрами.

Но на счастье ребят домочадцы спали крепко и не слышали, как незваные гости пробрались в их дом, как по очереди сходили в душ отогреться и отмыться, как долго рассказывали о своих злоключениях по пути в Нанси и шуршали шоколадными батончиками.

– Как успехи с возвращением Лисофанже? – наконец вспомнила Глаша.

Полина потупила глаза от вопроса и пожала плечами.

– Ты рисовала волны?

– Нет, – тихо промямлила Полина.

– Так рисуй! Давай, Полина, не сдавайся. У тебя получится, я уверена!

– Нет, – покачала поникшей головой Полина.

– Получится. Рисуй! – Глаша по-дружески хлопнула Полину по плечу. Полина встрепенулась от ее прикосновения, вскочила на ноги, подошла к стене и уткнулась в нее головой.

– Я больше не могу... Я больше не могу рисовать эти дурацкие волны. Я не могу! – чуть ли не закричала Полина, но осеклась, испугавшись наделать шум.

Кира перестал жевать шоколадку и уставился на Полину. Глаша тоже встала и, повозившись с механизмом за шторами, с грохотом открыла ставни. Комнату залил тусклый свет растущей луны.

– Что бы ты сделала со своей жизнью, если бы была смелее? – вдруг спросила Глаша.

Полина не отвечала и продолжала утыкаться лбом в стену. Она не любила подобные вопросы. Глаша это знала.

– Что бы ты сделала, если бы была смелее? – повторила Глаша. Полина молчала.

– Помнишь у тебя был кораблик в бутылке? – не унималась Глаша.

Полина помнила резной кораблик в маленькой бутылочке.

– Помнишь, как ты недоумевала, как же так – кораблик заперт!

Полина нехотя кивнула.

– А потом разбила бутылку и отпустила кораблик?

– Глаша, хватит, – попросила Полина.

– Так вот ты и есть этот кораблик в бутылке! – не останавливалась Глаша. – Повторяю вопрос: что б ты сделала, если б была смелее?

Полина долго молчала в ответ, тихонько постукивала лбом о стену и раскачивалась. Слезы текли крупными каплями по щекам и капали на босые ноги. Полину разрывало от ужасного состояния выбора. А разве можно вырваться из рамок собственной жизни, убежать, скрыться, чтобы не видеть Михеева, чтобы не ходить строем с классом на экскурсии?

Полина развернулась от стены и уставилась в открытое окно:

– А разве можно?

– Нужно.

– А если я ошибусь.

– Ошибка – это сложное абстрактное понятие, как выразился бы Доктор Бо, – хмыкнула Глаша себе под нос.

Наступило молчание. Полина кусала губы и силилась признаться самой себе в том, чего она хочет.

– Я хочу уехать в Париж, – наконец с трудом выговорила она. – Одна.

– Возьмешь Кирина рюкзак. Этот ему не нравится. Скучает по старому, – говорила Глаша, запихивая в красный рюкзак необходимые для поездки вещи: паспорт Полины, оставшиеся шоколадки, бутылку воды, зарядку для телефона, деньги, которые остались у них с Киной, и шапку.

Полина сидела на подоконнике и кивала, не веря самой себе, что решилась ехать одна в большой и радостный Париж.

Кира дернул Глашу за рукав и недовольно зашептал на ухо:

– Нельзя ее отпускать. Это же Полина. Как она поедет в Париж одна?

– А почему бы и нет? – ничуть не сомневаясь, ответила Глаша.

Глава 11. В доме Анн-Мари

Глашу с Кирой разбудили стук в дверь и певучий женский голос:

– On se reveille, Pauline! Bonne journee! (Пора вставать, Полина! Доброе утро! прим.автора)

Кира спал на полу, потому что ночью Глаша вытолкала его с кровати: зато Кира забрал себе одеяло и, укутавшись в него словно гусеница, уснул.

От стука в дверь Кира моментально проснулся и заполз под кровать, а Глаша грубо рявкнула в ответ, что уже встает.

Когда разбуженная хмурая Глаша вышла из комнаты, то увидела рядом с перилами столик с аквариумом. В нем плавали одинокий карась и водоросли. Шевелились в аквариуме только пузыри из трубки, покачивавшие карася.

Постучав по аквариуму и разбудив карася, Глаша заглянула в ванную умыться, кое-как собрала нечесанные волосы в хвост и съехала по перилам вниз.

Из комнаты с двуспальной кроватью вышел высокий мужчина в сером брючном костюме с радостным выражением лица. Мужчина при виде Глаши расплылся в улыбке, пожелал ей доброго утра и поинтересовался, как она спала. Глаша хмуро кивнула в ответ: хорошо ли она спала ничтожные четыре часа, пока назойливым стуком в дверь их с Кирой не разбудили. Спала хорошо, но продрать глаза до сих пор не

удалось.

– *Comme si comme ça*, (Так себе. прим. автора), – буркнула под нос девочка.

Мужчина, продолжая улыбаться, вежливо пригласил Глашу к завтраку.

Они спустились на первый этаж и очутились в большой столовой с камином, с сервантами, уставленными хрусталем и фарфором, с большим овальным столом.

За столом уже собралась большая семья: улыбающаяся во весь рот женщина без одного зуба на видном месте, одуванчиковолосая поджарая старушка, глазастая девочка лет семи с косичками и две похожие друг на друга девушки. Одна из которых со слов Полины должна была быть *Анн-Мари*, а вторая ее старшей сестрой *Лиз-Мари*. Но кто из них, кто – Глаша не поняла.

Хором раздались пожелания доброго утра и вопросы, хорошо ли она спала. Глаша кивала. При виде накрытого стола настроение ее улучшилось.

Ее посадили на плетеный стул с мягкой подушкой. Обе мадам наперебой предлагали кофе, сок, молоко, чай, тосты с конфитюром, шоколадную пасту, кукурузные хлопья.

«Чудненько!» – Глаша густо мазала тост шоколадом, наливала сок, с горкой сыпала в тарелку хлопья и топила их в молоке. Но не могла наесться.

Беззубая мадам радостно и удивленно смотрела на то, как с аппетитом Глаша уплетает завтрак, и предложила еще сок,

когда опустел графин.

Девочка отвлеклась и покачала головой:

– Нет, спасибо. Не нужно сок, – вежливо отказалась она, – принесите лучше яичницу. С колбасой или беконом. А лучше и с тем, и с другим, и с сыром. И не забудьте про хлеб! – вдогонку напомнила гостья.

«Странная девочка, – думала Мадам без Зуба, – еще вчера она была скромна и приветлива, едва притронулась к ужину, а сегодня уже так освоилась...» Но еще больше удивилась Мадам, когда, доев яичницу, девочка сгребла со стола оставшиеся куски бекона, тосты, конфитюр, йогурты и большую бутылку молока и, еле удерживая все в руках, направилась в свою комнату со словами:

– По утрам мне нужно хорошенько подкрепиться.

Из-под кровати доносилось мирное сопение, и Глаша оставила завтрак на комод и только решила прилечь, как вновь раздался стук в дверь и звонкий детский голосок сообщил, что семья зовет ее на прогулку по городу.

Глаша нехотя спустилась вниз. В холле собралась семья и обувалась.

– Что, Анн-Мари, тоже не выспалась? – понимающе спросила Глаша украдкой зевнувшую девушку.

– Это не Анн-Мари, – поправила Глашу Мадам без Зуба и подняла всклокоченные брови, – это Лиз-Мари. У Анн-Мари разболелась голова, и она останется дома.

Мадам уставилась на Глашу в замешательстве. Ее круг-

лые глаза округлились еще сильнее, настолько ее поразило, что Глаша за три дня не запомнила, как выглядит ее средняя дочь.

– Я так и имела ввиду – Лиз-Мари, Анн-Мари, – поправи-лась Глаша, махнув рукой и примирительно улыбаясь. Мадам только покачала головой и направилась к выходу.

– Я их тоже путаю, – втихаря подмигнула Глаше бабушка. Непривычно было примерить на себя обыкновенную семью, которой у Глаши никогда не было. В просторной многоместной машине они отправились в центр города и прогулялись по мощеным булыжниками узким улочкам. Глашу взяла за руку младшая сестра по имени Изабель-Мари, а сокращенно Из-Мари.

После короткой прогулки они оказались на фермерском рынке, где под командованием Мадам без Зуба выбирали тыквы, баклажаны, лук-порей, томаты, специи и всякую-всячину, о которой Глаша и не догадывалась. Глаша с удовольствием участвовала, выбирала, пробовала.

– Сегодня к нам на ужин придут твои друзья и одноклассники Анн-Мари, – пояснила гостье бабушка.

На обратном пути отец семейства нес огромную тыкву для предстоящего ужина, а у каждого в руках были полные пакеты и корзинки с овощами и фруктами.

В витрине булочной Глаша увидела свое отражение в окружении большой семьи и на мгновение у нее перед глазами мелькнуло Лисофанже и его жители – Доктор Бо, Кры-

жовников, маленькие и большие лисофанжеанцы и даже Аркадио – те, кого Глаша считала семьей. «Как они там без меня?»

Но услышав, что Мадам предлагает после покупок выпить кофе со свежей выпечкой, Глаша скорее поспешила в булочную.

Глава 12. Калинка-малинка

Когда Глаша вернулась после прогулки, Кира уже позавтракал и снова лежал под кроватью, накрывшись с головой одеялом. Глаше стоило большого труда выманить его оттуда. Даже принесенному из булочной круассану и конфетам Кира слабо обрадовался, но все-таки вылез, съел круассан, а Глаша открыла окно, потому что в комнате стоял душный тяжелый воздух.

Кира аккуратно сворачивал фантики из-под конфет, и получались самолетики. Глаша сдувала самолетики с ладошки, и они улетали из открытого окна.

На улице было солнечно, но в окно падала тень, и комната казалась мрачной, как и Кира.

– Меня мама научила делать самолетики, – неожиданно признался Кира. – Говорила, что из любой ненужной вещи можно сделать что-то нужное. Я даже шкурки из-под мандаринов и апельсинов сушил, а потом в рюкзак клал, чтобы Новым годом пахло.

И тут Кира с силой сжал в кулаке сделанные самолетики:

– А меня она выкинула!

Кира швырнул бумажный комочек в окно.

– Из меня не сделать ничего нужного...

Кира опустил голову на колени и пробормотал со злостью:

– Ненавижу ее.

Глаша глянула на съездившегося Киру, сдунула пыль с искусственных цветов, подошла к комоду и сгребла в ведро пустые упаковки от молока и йогуртов, оставшиеся после завтрака. Потом вновь озадаченно взглянула на неподвижного друга.

– Пошли проветримся, – наконец, сказала она.

Кира долго упирался, отмахивался от назойливой девчонки, пытался скрыться под кроватью, но Глаша вытаскивала его оттуда за ноги. И, в конце концов, Кира уцепился за единственную надежду:

– Как я отсюда выйду? Полон дом народа!

– Не переживай, – только и ответила Глаша. – Как только услышишь, как я пою, спускайся вниз и жди меня на той стороне улицы.

Скача вниз по лестнице, Глаша тарабанила в комнаты Анн-Мари, Лиз-Мари, Из-Мари, бабушки и звала всех в гостиную. Когда семья собралась: Мадам без Зуба прибежала из кухни, а папа вышел из кабинета, Глаша встала к камину так, чтобы лицом все повернулись к ней, а спиной к входной двери.

– Дорогая моя семья, – начала Глаша, специально говоря по-французски хуже, чем она умела, – я занимаюсь в ансамбле русской народной песни. И подготовила специально для вас номер. Потому что знаю, как французы просто обожают русскую народную песню! – Глаша расплылась в лучезарной улыбке и поставила руки в боки.

И по дому разнесся ее громоподобный зычный голос:
«Калинка, калинка, калинка моя!

В саду ягода малинка, малинка моя!

Калинка, калинка, калинка моя!...»

Анн-Мари схватилась за больную голову, Лиз-Мари скривилась, мама пыталась удержать на лице вежливую улыбку, папа дружелюбно закивал в такт, глуховатая бабушка захлопала в ладоши и засмеялась, а малышка Из-Мари пустилась в пляс вместе с Глашей.

Глаша изо всех сил молотила пятками в паркет, отбивала ладошки об коленки, кружилась и поддавала залихватские: «Эх-ма! Калинка моя!».

Когда Кира прошмыгнул во входную дверь, Глаша отвесила низкий поклон в пол и сообщила:

– Ухожу на прогулку. Ждите к ужину!

И, не дав никому опомниться, скрылась.

Глава 13. У букиниста

Глаша с Кирой бесцельно слонялись по городу, надвинув на лица кепки. Кира время от времени пинал ботинком мусор и опавшую листву.

– Полина днем написала, что добралась до Парижа, – сообщила Глаша, – а теперь у нее телефон не отвечает.

Кира безучастно кивнул.

На дне опустевшего фонтана Глаша заметила позеленевшие от коррозии монетки и набила ими карманы. Но в киоске с мороженым продавец отказался принять сгнившие монеты.

Улочки были напичканы магазинами и рекламными афишами. У витрины букинистического магазинчика Глаша притормозила и позвала Киру зайти.

Среди стеллажей старинных книг за большим столом сидел продавец в твидовом костюме.

– Книги по колдовству есть? – с порога поинтересовалась Глаша.

– Добрый день, – неспешно произнес продавец, вставая и слегка кланяясь. И явно выжидая от Глаши ответного приветствия.

– Здравствуйте. Пожалуйста. Спасибо. На здоровье. Будьте так любезны. С новым годом, – протараторила Глаша. – Есть книги по колдовству?

– Разумеется, – размеренно ответил продавец и подвел Глашу к длинному стеллажу.

– Ой! – пытаюсь охватить весь стеллаж взглядом, восхищалась Глаша. – Неужели все эти книги по колдовству?

– Что конкретно вас интересует: история магии, эзотерика, парапсихология, художественная литература или практические пособия?

Глаша замаялась и задумалась.

– Мне нужно заклинание или ритуал. Чтобы наколдовать кое-что. Я не могу вам сказать, что именно, – серьезно сказала Глаша, и продавец понимающе кивнул. – Но скажем так: чтобы появилось то, чего сильно желаешь.

Продавец долго рассматривал полки и наконец вытащил тонкую книжицу по практической магии. Глаша взвесила книжку в руках:

– Нет, – сказала она. – Какая-то она у вас легкая. Сразу видно не обременена мыслями. Дайте что-то более весомое.

Продавец вытащил другую книгу в твердом переплете со старинными рунами, украшенную камнями

– Другое дело! – обрадовалась Глаша, и они с Кирой уселись в потертые кресла.

– Много-то как написано, – вздохнула Глаша, раскрыв разворот, и углубилась в чтение, нахмурившись от напряжения. Кира, тем временем, попытался жонглировать тремя расписными яйцами, которые взял со стола. Но яйца едва не разбились об пол.

– Молодой человек, это копии яиц Фаберже. Они довольно хрупкие, – вежливо предупредил продавец. – И дороги мне как память о моей поездке в Россию.

– Что ему надо? – не понял Кира, потому что продавец говорил на французском.

– О-ля-ля! – радостно воскликнул продавец. – Вы русские?

Кира с Глашей настороженно уставились на него.

– Яйца верни, – перевела Глаша и встала, возвращая книгу. – Спасибо, начитались.

– Нашли то, что искали? Не желаете ли приобрести книгу?

– Если вы продадите ее за это, то купим, – Глаша вывалила на стол зеленые искореженные монетки.

Продавец отрицательно покачал головой, порылся в разбросанных на столе книгах и вытащил детскую брошюрку с изображением большой улыбающейся тыквы.

– Возьмите в качестве сувенира.

– Спасибо, – поблагодарила Глаша и пододвинула к продавцу горстку монет:

– А это вам в качестве сувенира.

– Рад был помочь, – улыбнулся продавец и притворно-загадочно сказал на прощание:

– Веселого вам Хеллоуина! И помните, что сегодня полнолуние.

Глава 14. Вечер в Нанси

Стемнело, дул ветер, разбрасывая листву, яркие рекламные огни расплзались во все стороны, в каждой витрине ухмылялась тыква. Кира с Глашей нехотя добрались до дома. По дороге Глаша несколько раз звонила Полине, но ее телефон по-прежнему был выключен.

– Телефон разрядился. В автобусе подзарядит, – решила Глаша. – К ночи должна вернуться.

В садике у дома Анн-Мари толпились ребята – и французы, и русские. Они то входили, то выходили из дома. Многие были ряжеными; в масках, остроконечных шляпах, с изрисованными лицами.

– Придется мне еще пошататься по городу, – вздохнул Кира, останавливаясь.

– Не придется! Жди здесь, – приказала Глаша и убежала в дом. Вскоре она вернулась с маской привидения.

Кира незамеченным пробрался в комнату и тут же забрался под кровать. Уходя на праздничный ужин, Глаша замешкалась. Ей не хотелось оставлять друга одного.

– Иди уже, – слышалось из-под кровати, – и принеси что-нибудь поесть.

Глаша улыбнулась и плотно закрыла дверь.

Столовая была украшена оранжевыми гирляндами. Посреди стола красовалась огромная выпотрошенная тыква с

фермерского рынка. В ее злых глазах и зубастом рте играли языки пламени.

Одноклассников Полины, а тем более французов Глаша либо видела впервые, либо знала со слов Полины. Чтобы себя не выдать она ела молча, углубившись в свои измышления.

– Море жратвы! – восхитился сидевший рядом с ней Чугунов, и обратился к Глаше:

– Мне пришлось весь вечер таскаться одному за этой парочкой, – он кивнул в сторону Анн-Мари и сидящего рядом с ней парня: они то и дело льнули друг к другу. – Меня тошнит от их поцелуйчиков. Где тебя носило, Полина?

– Иди лесом, жиртрест. Я голодная – я злая, – отрезала Глаша.

– Полина, ты чего? – опешил Чугунов.

– Не замолчишь, плюну тебе в тарелку.

– У тебя дни, про которые ты в газете писала? – не унимался мальчишка и ехидно заулыбался.

Глаша повернула к нему голову, набрала полный рот слюны и плюнула в его переполненную тарелку.

– Она плюнула! Она плюнула мне в тарелку! – завизжал подскочивший Чугунов. Присутствующие за столом обернулись на его крик. Мадам без Одного Зуба на Видном Месте ахнула, вскочила и побежала на выручку гостю. У Анн-Мари округлились глаза. Кто-то крутил пальцем у виска. Улыбался один Михеев.

Глаша встала из-за стола, взяла свою тарелку, стакан с соком и невозмутимо поднялась в свою комнату.

Глава 15. Глаша колдует

Кира проснулся среди ночи. Его разбудил свет ночника и то, как Глаша ходила кругами. Он выглянул из-под кровати:

– Что ты делаешь?

В одной руке у нее был телефон, в другой – детская книжка про Хэллоуин.

– Дозваниваюсь до Полины и придумываю ритуал по возвращению Лисофанже, – ответила Глаша.

– Не надо было ее отпускать, – буркнул Кира и заполз обратно под кровать. Потом он услышал, как Глаша тихо вышла из комнаты.

В ванной Глаша нашла ножницы, срезала немного волос и задумалась. В тяжелой книге о магии говорилось, что для правильного ритуала нужно принести в жертву животное.

И тут она вспомнила об одиноком карасе. Он даже не сопротивлялся. Глаша зажала его скользкое тело в кулаке: «Разве это жизнь? Целая жизнь в одном аквариуме...»

Глаша задумалась: «А с другой стороны – это твой дом. Чем Лисофанже не большой аквариум? Я бы все отдала, чтоб вернуться туда поскорей...» – Глаша отпустила карася обратно: «К тому же ты мелковат для большого дела».

Прокравшись на кухню, она раздобыла в холодильнике увесистый кусок мяса, вынула его из миски с водой. С мяса, как в темноте казалось Глаше, стекала кровь. Заодно Глаша

прихватила бутылку оливкового масла и спички.

В темноте видны были только очертания мебели. Посреди обеденного стола чернела гигантская голова тыквы.

Глаша перетащила тыкву на ковер в гостиную и зажгла свечу. Тыква тут же заулыбалась гнусавой улыбкой.

– Веселого тебе Хэллоуина, овощ! – передразнила Глаша продавца из букинистического магазинчика, чтобы развеять обстановку.

Обстановка становилась мрачнее и таинственнее. Блики от свечи безмолвно колыхались на потолке. Часы тикали: «Тик-ток, тик-ток...»

Глаша осмотрелась. На журнальном столике лежала коробка с бумажными платочками. Глаша разложила их вокруг себя и тыквы: получился магический круг.

Девочка водрузила кусок истекающего кровью мяса в тыкву рядом со свечой, сверху на жертвенное мясо положила часть своей плоти – волосы.

Затем, следуя сразу несколькими старинным рецептам, Глаша щедро облила кусок мяса маслом. Волосы постоянно стекали вместе с маслом. Пришлось капнуть на них свечным воском и тут же образовалась волосатая парафиновая корка, соскальзывающая с мяса. Глаша вся перемазалась, пока, проковыряв в мясе отверстие, не впихнула туда волосы в воск.

Ей хотелось сотворить ритуал максимально действенным. Она встала на колени перед тыквой, закрыла глаза и пред-

ставила Лисофанже: милый сердцу Софлигор, парящую на ветру уютную Летающую квартиру, качели на соснах. Вспомнила, как сильно с Кирой раскачивались, доставая ногами до неба... «Интересно, покачаемся мы еще на наших качелях?» – думала Глаша.

И быстро прошептав три раза: «Хочу вернуть Лисофанже!», она взяла в руки свечу и подожгла волосы на куске мяса. Но те, облитые оливковым маслом и воском, вопреки ожиданиям, не загорелись. Они напрочь отказывались воспламеняться и исполнять желание Глаши.

Глаша разозлилась. Она подскочила к камину, схватила жидкость для розжига и щедро облила ей жертвенное мясо с частью своей плоти. В мгновение ока маленький огонек свечи выскочил из тыквы как фейерверк. Глаша дернулась от испуга. Жидкость для розжига выплеснулась на ковер, на бумажные платочки, разложенные по кругу. От одной выскочившей из тыквы искры запылал ковер!

Глаша срочно принялась затаптывать огонь. Комнату стало заволакивать дымом. И вдруг раздался писк пожарной сигнализации.

Сверху слышались встревоженные возгласы и спешный топот.

Бежавшие приближались. На повороте в гостиную показалась Мадам без Зуба в ночной рубашке. Поскользнувшись на мокром следе от мяса, она с воплем опрокинулась на спину. Подскочивший папа Анн-Мари начал ее поднимать, но

тоже поскользнулся и повалился на пол.

Воспользовавшись неразберихой, Глаша незамеченной выскочила в столовую, оттуда в кухню, пробралась к лестнице и опрометью помчалась наверх. И тут на полном ходу она столкнулась с Анн-Мари, ее сестрами и бабушкой.

Мадам охала и причитала не в состоянии что-либо выговорить. Мсье заливал угольки на дымящемся ковре. Бабушка бубнила что-то нечленораздельное и крестилась. Малышка Из-Мари с интересом разглядывала и нюхала опаленный кусок мяса в тыкве. Лиз-Мари и Анн-Мари в отупении хлопали ресницами. По всему дому разносился запах гари.

– Полина! – наконец, обратилась к Глаше Мадам. – Что ты натворила!?

Глаша потупила взгляд, вздохнула и созналась:

– Я страдаю лунатизмом. Меня у доктора проверяли. Лунатизм – серьезный диагноз. Вы кстати знали, что сегодня полнолуние? Надо было меня к кровати привязать. Забыла предупредить. С кем не бывает?

Глава 16. Школа

Спросонья Глаша даже не поняла, что они с рассерженной и молчаливой Анн-Мари идут в школу. На прощанье Глаша дала Кире указания выбраться из дома и ждать ее в торговом центре, чтобы отправиться в Париж. Им предстояло найти Полину.

Русские ребята расселись в конце класса, предоставив французам первые ряды.

В класс вошел преподаватель истории России. Глаша сразу узнала его – продавца из букинистического магазина. Поправив лацканы твидового пиджака, он поприветствовал класс и начал лекцию о русско-французских отношениях.

Глаша разлеглась на парте. Его спокойный убаюкивающий голос не мешал ей продумывать план, с чего начать поиски Полины в Париже.

Стук карандаша об парту разбудил девочку. Глаша подняла голову. Твидовый пиджак приветливо улыбался:

– Старая знакомая! Видимо, ночь напролет колядовали и теперь приходится отсыпаться на уроке? Удалось наколдовать желаемое?

Глаша заметила, как обернулась Анн-Мари. Глаза ее стали бешеными от негодования. Щеки разгорались. Ноздри раздувались. Вот-вот взорвется!

А преподаватель как ни в чем не бывало продолжал:

– Не вижу вашего приятеля? Думал, что он тоже в вашей группе. Додумался же жонглировать яйцами Фаберже! – усмехнулся пиджак.

И тут сразу с нескольких сторон Глаша почувствовала на себе взгляды одноклассников Полины и громкий взволнованный шепот неприятного типа:

– Так вот с кем ты вчера гуляла! С Колбасниковым! Это он жонглирует всем, что плохо лежит! – догадался Чугунов. Он не мог забыть, как Кира жонглировал его телефоном, контейнером с завтраком и бутылкой с соком. – С тобой вчера был Кира Колбасников! Как он очутился во Франции? В чемодане провезла?!

Глаша отвернулась от Чугунова в другую сторону. Но с другой стороны на нее во все глаза смотрели Михеев и серьезная девочка с длинными черными косичками. Спереди кидала разъяренные взгляды Анн-Мари.

Когда преподаватель объявил о завершении урока, Глаша вскочила с места и кинулась к выходу. Но Анн-Мари в гневе оказалась шустрее и преградила Глаше выход:

– Я знала, что ты не лунатик! – орала Анн-Мари. – Что ты натворила?!

– Я полна раскаяния, – сообщила Глаша, ни капли не раскаиваясь, и попятилась, но сзади ее подпер Чугунов с воплями:

– Где Кира Колбасников? Где ты его прячешь, отвечай!?

– Какое тебе дело? – прошипела Глаша.

– Так он здесь! – победоносно заорал Чугунов. – Она призналась, что Колбасников здесь!

– Не замолчишь, тресну, – предупредила Глаша. Чугунов хорошо помнил ее плевок в тарелку и испуганно отпрянул.

Глаша воспользовалась моментом и проскочила мимо мальчишки, обогнула Анн-Мари с Полем и бросилась в коридор.

– За ней! – заорал Чугунов, но Михеев схватил его за руку и отчетливо произнес:

– Оставь Полину в покое.

Глава 17. Торговый центр

В торговом центре, как было условлено, Глаша разыскала Киру. Он метался среди стеклянных витрин и, завидев Глашу, подскочил к ней со словами:

– Я мог ей помочь, понимаешь!

Глаша не сразу поняла, о чем он говорит, и пошла рядом. А Кира на ходу продолжал говорить скороговоркой:

– А я обижался и злился. А ведь я мог ей помочь. Не убежать в Лисофанже, не думать только о себе, а помочь ей! Например, попросить помощи у Доктора Бо. Он бы помог ей, он бы ее вылечил! Понимаешь?

Они обошли несколько этажей, пока Кира не высказал все, что надумал за утро. В конце концов, Глаша усадила его за столик в кафе. А Кира говорил и говорил.

У Глаши урчало в животе. Она грызла ногти и наблюдала за посетителями. Отец семейства с аппетитом ел пышную пиццу, а двое малышей неумело клевали с тарелки картошку фри и даже не притрагивались к двум огромным сэндвичам на тарелке. Вскоре появилась их мама с покупками, и семья поспешила покинуть кафе, оставив после себя целый стол еды.

К столику Глаши и Киры подошла официантка, вручила меню и любезно сообщила, что в их кафе нужно что-нибудь заказать. Кира даже внимания не обратил на официантку,

повествуя Глаше, как было бы, если бы Доктор Бо...

– Мы заказываем два стакана воды, – не глядя в меню, ответила Глаша и, опередив официантку, забрала с соседнего столика полные тарелки с картошкой и сэндвичами. На глазах у растерявшейся официантки Глаша пододвинула себе одну тарелку, другую Кире. Потом откусила сэндвич и повторила:

– Мы заказываем два стакана воды.

Опешившая официантка кивнула, решив не привлекать внимания других посетителей, и удалились. Вскоре она принесла воду, бросив на ребят недовольный взгляд.

Пока Кира ел, он молчал.

Рядом со столиками разместился музыкант: установил микрофон, расчехлил гитару и начал наигрывать незамысловатую мелодию. Мимо него проходили покупатели и кидали в чехол деньги.

– Видел? Ему бумажные кидают! – наострилась Глаша.

Кира жевал.

– Ты не хуже играешь.

Кира жевал.

Глаша встала и подошла ближе к музыканту. В перерыве между песнями она стала ему что-то рассказывать, показывая в сторону Киры, и наконец, вернулась к другу.

– Иди играй. Я договорилась. Он отдаст нам вырубку.

– Я? – переспросил Кира. – Я сто лет не играл, ты чего?

– Иди играй. Нам нужны деньги, чтобы добраться до Па-

рижа.

– Что я должен по-твоему играть? «У Курского вокзала стою я молодой. Подайте, Христа ради, червонец золотой...»? – упирался Кира.

– Хотя бы и это! – Глаша подвела его к музыканту. – Чтоб не было потом: «Если бы да кабы».

Музыкант снял с себя гитару и передал Кире, дружески похлопав его по плечу.

Кира неуверенно провел пальцами по струнам – от усилителей звук разнесся эхом по торговому центру. Ища поддержку, мальчик обернулся на Глашу. Та бодро улыбнулась и кивнула.

Кира откашлялся и зажал аккорды.

Глаша сразу узнала мелодию, как только из динамиков слышалась музыка. В большой шумный торговый центр песня ворвалась словно из другой жизни. Из жизни, когда они с Кирой свободно гуляли, спорили и смеялись, жили в Летающей квартире, готовили бутерброды, жонглировали, неожиданно выползали у Полины из-под стола и пугали ее. И мечтали о путешествии за пределы Лисофанже.

Именно тогда Кира и стал учиться играть на гитаре, потому что решил: любой уважающий себя путешественник должен иметь за спиной гитару. И разучивал эту отдающую дорожной романтикой песню, которую услышал на радиоволне. Глаше песня не понравилась. Ей не нравились мажорные ноты. Зато теперь песня ведала Глаше то, о чем девочка не

хотела говорить вслух:

«Скоро будет просто поздно. Не сумеем, не успеем.

Потеряемся. Обратно не вернемся никогда.

А потом опять вокзалы, телефоны, телеграммы.

И открыть окно пошире...»

И сквозь столики кафе и витрины ей привиделась залитая солнцем Летающая квартира. И, как далекие волны Лисофанже, бежали мурашки по спине:

«А нам с тобой опять не повезло. Куда нас занесло?

Откуда мы и кто?

А мы с тобой – откуда мы и где? Куда тебе и мне?

Скорее бы домой...»

Кира взял последний аккорд и огляделся. Покупатели шли мимо, бросая редкие взгляды в его сторону. В чехле от гитары лежала пара монет. Он обернулся: Глаша утирала рукавом нос.

Глава 18. Мадам Жаккар

Они побрели прочь из Нанси. Город был невелик, и уже через полчаса по трамвайным путям ребята вышли к малоэтажным частным домам, промышленным постройкам и парковкам.

Начал моросить дождь.

– Хорошая примета уходить в дождь, – вспомнила Глаша.

Обгоняя сиреневые облака, они брели прочь от Нанси. Брели долго по мокрому шоссе, обдуваемые холодным ветром, вдыхая и пропуская сквозь себя осень, Францию, пожелтевшие поля, затянутое небо.

– Знаешь, – сказал Кира, подставляя лицо усилившемуся дождю, – тоскливо на природе, когда природе так паршиво. Хочется послать все к чертям собачьим и сгинуть где-нибудь в этих полях.

Кира с разбега пнул ногой камень, тот поскакал по обочине, по пузырящимся лужам.

Когда они в очередной раз остановились, чтобы голосовать, Глаша зачерпнула обеими руками грязь из лужи. Зажав жижу в кулаках, она медленно выпускала ее струйками между пальцев. С испачканными руками она бросилась на Киру. Тот уворачивался, отмахиваясь от Глаши.

– Кира, кем ты хочешь стать, когда вырастишь? – спросила она.

– Сдается мне, – ответил Кира, – мы уже выросли.

– И стали путешественниками!

– Бродягами, – поправил Кира.

Машин на трассе почти не было, и те немногие не оставались, а дождь тем временем перерос в ливень.

– У меня даже трусы мокрые, – объявила Глаша, стуча зубами. – Хоть в трусы писай, чтоб согреться.

Наконец рядом с ними остановился старенький красный фиат. Глаша с Кирой в момент подскочили к раскрывшемуся окошку.

– Ребятки, как хорошо, что я вас встретила! – за рулем сидела пожилая приветливая дама. – Не могли бы вы мне помочь найти моих лошадей? Они убежали туда к лесу, – дама показала рукой за непроглядную пелену дождя.

– Конечно, поможем! – бодро отозвалась Глаша, стуча зубами.

– Что? Что она хочет? – не понял Кира.

– Привести ее лошадей от леса.

– Она с ума сошла! Под таким ливнем! – возмутился Кира, приправив фразу многосложными ругательствами.

– Я знаю по-русски, – весело рассмеялась старушка и продолжила с легким акцентом, – но столь отменного мата мне не доводилось слышать! Приведите мне коней, я вас накормлю ужином и дам обсохнуть. Возьмите брезентовые плащи в багажнике.

Старушка открыла багажник и сказала:

– Впереди в ста метрах деревня. Мой дом крайний. Я вас встречу.

Глаша дала Кире пинок и толкнула в густую траву, доходящую им до пояса. Пробираться сквозь траву под непрекращающимся дождем было тяжело, особенно в огромных брезентовых плащах. Трава цеплялась за ноги и валила ребят на землю. Когда они достигли границы другого, скошенного поля, они согрелись и идти стало легче. Вскоре появились темные силуэты трех лошадей.

Глаша потрепала каждое дивное животное по шее и пообещала отвести в теплую конюшню. Ребятам не с первой попытки удалось взобраться на скользкий круп. Приходилось цепляться за мокрую густую гриву.

Обратно к деревне они тряслись на мелкой рыси: Глаша на тонкой гнедой лошадке, а Кира на вертлявом вороном коне. Третий конь послушно семенил следом.

Старушка махала им рукой с освященной террасы большого белого дома под красной крышей.

Когда Амура, Психею и Юпитера загнали в конюшню, Глаша набрала чистые опилки по краям денников, положила горстями на лошадиные спины, и опилки быстро впитали влагу. Глаша всегда так делала, когда Чушка и другие пони попадали под дождь.

Затем ребята ловко счистили щетками опилки. Гнедая длинноногая Психея, которая полюбилась Глаше, тыкалась бархатными губами ей в руку. Вороной конь Амур оказался

кусачим непоседой, и то и дело норовил щипнуть Киру. Зато увальня Юпитера было чистить одно удовольствие.

Лошади обсохли и согрелись. Мадам Жаккар удивлялась Глашиной выдумке и обещала взять трюк с опилками на вооружение.

Когда лошадей накрыли попонами и насыпали им корм, Глаша с грустью покидала конюшню Она вдыхала запахи сена, навоза, опилок и вспоминала Чушку.

Старая одежда внука мадам Жаккар пришлась обоим впроу. Кира и Глаша набросились на ужин, приготовленный для них, – овощное рагу с тушеным мясом, йогурты, хрустящий багет, множество сыров на круглой деревянной доске. Пока ели в уютной гостиной с цветастыми занавесками и круглым столом, Глаша спросила, откуда мадам знает русский.

– Моя мать была русской, а отец французом.

Пожилая женщина сняла со стены над комодом черно-белую фотографию. На ней была изображена тоненькая смуглая девушка с черными глазами и короткими прямыми волосами. На ней было белое ситцевое платье тех времен. Рядом с ней высокий худой парень в военной форме. Они стояли на фоне дома мадам Жаккар.

– Это день их свадьбы.

Глаша внимательно рассматривала фотографию:

– Сколько же здесь лет вашей маме?

– Семнадцать, – ответила Мадам Жаккар, – и она беременна моим старшим братом. Хотя она такая худенькая по-

сле войны, что совсем и не заметно живота.

– А как они познакомились? Ваша мама приехала во Францию и влюбилась в него? – спросила Глаша из вежливости, заметив, как с нежностью мадам поглаживает рамку фотографии.

– Да ты что! – засмеялась мадам. – В то время так просто во Францию приехать было нельзя!

И мадам не без удовольствия достала из комода стопку страниц, исписанных плотным мелким почерком, нацепила на нос очки и прежде, чем читать мемуары своей матери, пояснила ребятам:

– Когда началась война, моей маме было тринадцать лет.

– Да, это как нам с Кирой! – сообщила Глаша с набитым ртом.

– «Мы жили на хуторе рядом с селом Александровка вблизи Крыма. Отца и брата забрали на фронт в июле. К нам на хутор должны были прийти немцы, увозить молодежь в Германию на работы. Мою старшую сестру Лиду увел ночью в горы ее жених, а меня скидали на повозку немцы. Нас погрузили в вагоны, угнали в Ригу, в лагерь. Мы жили на улице, за колючей проволокой, без еды. Не знаю сколько времени – месяц или больше. Была только вода. Ночами нас подкармливали те, кто жил поблизости, кидали хлеб через забор.

В товарных вагонах пригнали в Германию. Страшно было ехать. Много умирало от голода.

Мне повезло. Я не попала в концлагерь. Меня распреде-

лили на работу в булочную-пекарню. Работа была тяжелая. Вставали в четыре утра. Работали у печи целый день. Жар. Душно. Зато я не голодная. Это меня спасло. Рядом держали военнопленных. Там было много французов. Их выпускали в город. Они просили милостыню. Или помогали за еду на разных работах.

Там в 1943 году, я встретила Жака. Он был ранен, очень слаб, худ. Я носила ему багеты, прятала под платьем. Однажды у меня нашли хлеб. Немец меня сильно избил.

Два года до освобождения я подкармливала Жака. Я научилась понимать по-французски. Жак мне повторял: «Нина, после войны я заберу тебя к себе!» А я смеялась. Только с ним за всю войну я смеялась» – при этих словах у Мадам помутнели глаза и навернулись слезы.

– Да, она влюбилась в него! – догадалась Глаша, пихнув локтем Киру. Кира уже давно перестал есть и, понурившись, смотрел, как темнеет за окном.

– Да, она влюбилась в Жака и целую жизнь любила только его, – подтвердила Мадам, аккуратно складывая пожелтевшие листки в шкатулку. – Когда немцы отступили, пришли американцы. И можно было возвращаться домой. Можно было ехать куда угодно! У моей мамы был выбор – возвращаться домой к семье или ехать с Жаком.

Глаша нахмурилась:

– Наверное, это был сложный выбор?

– Она надеялась, что, уехав с отцом, сможет когда-нибудь

вернуться домой, – вздохнула Мадам. – Но не суждено было вернуться. Она так и не побывала на родине. До конца дней вспоминала хутор, сестру Лиду... И все-таки моя мать никогда не жалела, что выбрала Жака. И как потом стало ясно – это был единственно правильный выбор, ребятки.

– Почему? – Глаша искоса поглядывала на угрюмого Киру и думала о том, что, возможно, она никогда больше не вернется в Лисофанже, не покачается на качелях в Летающей квартире, не погуляет по Софлигору. Но так ли это важно, где ты находишься, по сравнению с тем, кто с тобою рядом?

Мадам улыбнулась:

– О том, почему опасно было возвращаться на родину, вам расскажут на уроках истории. А если завтра вы мне поможете отвести моих животных на осеннюю ярмарку в парк Пепиньер, то я вам куплю билеты и посажу на поезд до Парижа. Вы ведь в Париж направляетесь?

Глаша с Кирой кивнули.

– Надеюсь, вы не сбежали из дома?

– Нет, – замотали головами ребята.

– Я шучу. Сбежать из дома порой просто необходимо.

Сколько раз я сама сбежала в этот чертов Париж!

Уставшие, задумчивые после истории Нины и Жака, ребята завалились на огромную кровать в гостевой комнате.

– Да, не только нам выпадают неожиданные путешествия с непредсказуемым окончанием, – протянула Глаша, развалившись на кровати. – Хотя по сравнению с ними мы как сыр

в масле катаемся.

– Говори про себя, – вдруг разозлился Кира. Настроение у него испортилось, он отвернулся от Глаши и не разговаривал с ней, пока оба не заснули.

Глава 19. Разлуки и встречи

В телегу, набитую сеном и клетками с кроликами, впрягли размеренного тяжеловеса Юпитера, а Глаша с Кирой на Психее и Амуре тряслись рядом.

– Шенкелем, Кира, шенкелем, – то и дело повторяла Глаша, видя, как Кира дергает за удила Амура, – или хлыстиком. Не рви коню рот.

Амур нервничал и отказывался слушаться Киру, а Кира не слушал никого. Достучаться до мальчика было невозможно, словно он был в броне. На обращения Глаши и даже мадам Жаккар он безразлично отвечал, что ему все равно.

Они ехали по парку Пепиньер, благоухающего после дождей ароматами пожухшей травы Аллеи были исчерчены тенями и длинными солнечными лучами, пробивающимися сквозь красно-желтую листву. Сверху медленно планировали широкие резные листья кленов и каштанов.

– Смотри, Кира, – Глаша указала рукой на параллельную им дорожку, виднеющуюся между деревьями, – здесь твои одноклассники. Надеюсь, не повстречаемся.

Навстречу им свернули двое жандармов-всадников. Оба были в парадной форме, в белых перчатках. Они поприветствовали мадам Жаккар. Один из жандармов принялся обмениваться с ней новостями. А второй мельком взглянул на Киру и Глашу.

Ребята спрятали лица за кепками и отвернули головы в стороны. Кира почувствовал, как начало колотиться сердце. От взгляда жандарма закралось неприятное предчувствие.

Жандарм наклонился к напарнику и что-то тихо ему сказал. Тот отвлекся от беседы и тоже взглянул на ребят.

– А кто ваши помощники, мадам Жаккар? – только и успел спросить он, как Кира и Глаша, не сговариваясь, развернули коней и, подняв, их в галоп помчались по аллее.

Жандармы, не теряя ни секунды, бросились в погоню. Пыль вздымалась из-под копыт. Прохожие при виде несущихся всадников шарахались в стороны.

Амур фыркал и вертел головой, так сильно Кира натянул удила. И вдруг, не вытерпев, конь резко затормозил, вздыбился и сбросил с себя мальчишку. Кира сильно ударился о землю.

Глаша увидела, что ее перегоняет Амур без Киры, обернулась, развернула Психею и бросилась на выручку. Она соскочила с лошади, чтобы помочь Кире встать. Психея, почувствовав свободу, бросилась следом за Амуром.

Жандармы приближались. Кира, как в замедленной съемке, смотрел на растущий столп пыли и всадников.

Глаша потащила друга прочь с аллеи. Они побежали между деревьев парка. Земля была мокрой от дождей, и ноги вязли в грязи и пожухшей траве.

И вдруг нога Киры подвернулась, и мальчик грохнулся со всего размаха на раскисшую траву. Глаша кинулась его под-

нимать.

– Давай, Кира! – кричала она и тащила его. Кира словно остолбенел и в отчаянии смотрел на стремительно надвигающихся жандармов. Столько раз он боялся быть пойманным! Кира вспомнил, как удирал от полицейского в день знакомства с Глашей, как они носились по Парижу от жандармов. Сколько можно убежать? Силы покидали его. Зачем сопротивляться неизбежному?

Хватит.

Пора остановиться.

Пора сдаться.

Когда его схватил жандарм и помог выйти на аллею, Кира послушно шел рядом. Зато Глаша вырывалась, вертелась и ругалась всеми французскими ругательствами, которые знала и которые придумывала на ходу.

На аллее собралась толпа зевак. Из нее выскочила Инна Марковна, а следом учитель французов. Они бросились к жандармам. Инна Марковна выхватила Глашу и прижала к себе. Из ее возгласов стало ясно, что, когда Полина не вернулась накануне в дом Анн-Мари, все Нанси было поднято на уши. Учительница слезно благодарила жандармов за возвращение девочки, а учитель французов переводил.

Глаша с ужасом взглянула на Киру: так значит не его узнали жандармы, не за ним гнались.

На вопросы жандармов о Кире Инна Марковна только развела руками, и сама пыталась допытаться от Киры, как он

очутился во Франции. Но Кира упорно молчал.

Михеев, Чугунов, Варя, Ксюша и остальные стояли в первых рядах, смотрели на ребят и шептались. Анн-Мари чуть ли не опала в объятия Поля от волнения, тот крепко обнимал ее за талию.

Жандарм придерживал Киру под локоть, пока Инна Марковна с помощью учителя французов пыталась выяснить его дальнейшую судьбу. Глаша стояла рядом, слушая о депортации, суде, детских исправительных учреждениях, и бросая подбадривающие взгляды Кире.

«Почему начинаешь ценить только тогда, когда теряешь...» – крутилась в голове у Киры единственная мысль. Он мысленно прощался с Глашей. С Глашей, которая всегда была рядом с ним. «Глаша. Глаша, Глаша!» – отчаянно повторял Кира и вдруг вспомнил, как впервые услышал ее имя и подумал в тот момент: «Глаша – ну и имечко».

Жандармы позволили Инне Марковне попрощаться с мальчиком. Учительница схватила его в объятия, причитала и плакала. Кира даже не шевельнулся в ответ. Он продолжал растерянно смотреть на Глашу, пытаясь запомнить ее растрепанные волосы, серые глаза, которые она любит прищуривать, когда что-то задумывает. Наконец, жандарм попросил Киру следовать за ним.

– Пойдите! – резко остановила жандарма Глаша.

Она бросилась к Кире и крепко-крепко обняла друга. Кира ожил от ее прикосновения, прижал к себе, уткнувшись ли-

цом в мягкие волосы и гладил, гладил по спине, сжимая зубы, чтобы не плакать. Но слезы предательские текли по щекам.

Жандарм дотронулся до плеча Киры и сухо сказал:

– Следуй за мной.

– Мсье, разве вы никогда не влюблялись? – спросила Глаша, глядя в глаза жандарму. – Дайте нам попрощаться.

Жандарм вздохнул, понимающе развел руками и кивнул, позволив им сделать пару шагов в сторону, чтобы скрыться от назойливых взглядов одноклассников и зевак-прохожих.

Глаша и Кира стояли друг напротив друга, держась за руки. Глаша согревала в своих горячих ладонях его похолодевшие руки. Сердце мальчика разрывалось на мелкие осколки. Глаша дотронулась рукой до его щек, смахнув с них слезы. Кира, боясь не вытерпеть ее улыбки и взгляда, смотрел под ноги. Поэтому он не увидел, как Глаша улыбнулась и прищурилась.

– Сделаем это на счёт три, – прошептала Глаша. Жандарм нетерпеливо вздохнул и учтиво отвернулся.

– Раз... Два...

Кира сглотнул и, затаив дыхание и дрожа от волнения, медленно приближался к ее обветренным губам.

– Колбасников, открой глаза! – шикнула Глаша, резко дернув его за руки. – На счёт три – драпаем. Погнали!

Кира опомнился. Глаша с силой потащила его в сторону деревьев. Жандармы с криками бросились следом, но нежи-

данно путь им преградил высокий рыжеволосый мужчина в зеленом брючном костюме.

– Месье, я отец мальчика, – заявил рыжеволосый. – Я хочу знать, по какому праву вы гонитесь за моим сыном?

Жандармы остановились, как вкопанные, с изумлением глядя на Аркадио, а Инна Марковна, семенившая следом, едва не лишилась чувств. Толпа зевак ахнула и плотнее приблизилась к жандармам и экстравагантному господину.

– Так у Киры все-таки есть отец! – восхищенно шептал Чугунов.

– Ого, Кира теперь живет во Франции, – с завистью протянула Ксюша и восхищено добавила. – О-ля-ля, какая красивая любовь у них с Полиной!

Михеев хмыкнул и, улыбнувшись, покосился на Ксюшу.

– Тогда предъявите документы на мальчика, потому что, как нам сообщила эта мадам, он сирота, – возразили жандармы.

Аркадио замялся, но его спасла мадам Жаккар. Она протиснулась сквозь толпу и чуть ли не заорала:

– Жан–Морис–Люка–Флорьян, никуда не годиться покидать даму во время беседы! Оставьте в покое ребят и их родителей! Пусть сами разбираются. У них любовь и прочая романтика, не лезьте, Жан–Морис, не в свое дело, – Мадам Жаккар взяла жандарма под руку и повела в сторону. – Лучше поймите мне моих обезумевших скакунов, и я покажу вам кроликов. И подарю одного для вашей дочери.

Мадам Жаккар взяла под руки жандармов и мягко, но настойчиво увела их в сторону.

– Пойдите, но Полина снова убежала! – встрепелась Инна Марковна, когда пришла в себя и вспомнила о своих непосредственных обязанностях – пересчитывать количество подопечных.

– Что вы, Инна Марковна, я здесь, – послышался голос Полины рядом. Инна Марковна вскрикнула от испуга. – Полина, ты сведешь меня с ума!

– Александр Аркадиевич, – сказала Полина, – Кира ждет вас у машины на парковке.

Аркадио раскланялся с Инной Марковной, еще раз объяснил, что в опеке произошла путаница, и он со всеми хлопотами, не успел сообщить, что увез Киру к себе. Затем Аркадио раскланялся и удалился. А учительница схватила Полину за руку:

– Вот теперь ты мне объяснишь: зачем ты таскала невероятное количество еды к себе в комнату, устроила там свинарник и лежбище под кроватью? Зачем плюнула в тарелку одноклассника? И, наконец, зачем пыталась сжечь дом своей француженки? Испортила семейный ковер ручной работы! Семья Анн-Мари в ужасе от твоего поведения! И где ты болталась всю ночь?

Полина с неподдельным интересом слушала то, что рассказывала Инна Марковна. И видела, как Анн-Мари кидает в нее недовольные взгляды. С каким любопытством и улыб-

кой смотрит Михеев. Как шепчутся одноклассники.

Объяснить такое поведение было делом нелегким. И пока Полина собиралась с мыслями, ей на выручку пришла Варя.

– Инна Марковна, – серьезно заявила Варя, – вы знаете, что согласно данным Всемирной Организации здравоохранения поведенческие расстройства занимают второе место по значимости среди заболеваний в подростковом возрасте. Симптомы деструктивного или вызывающего поведения могут возникнуть на фоне стресса. Например, как в случае с Полиной, в результате поездки за границу без значимого взрослого. Она пыталась заесть стресс большим количеством еды, забивалась от страха под кровать и хотела спалить чужой дом к чертям собачьим! То есть, у подростков часто наблюдается нарушение работы синапсов в переднем отделе гиппокампа и лобной доле коры головного мозга. Но, как видите, Полина уже адаптировалась к ситуации.

Полина приветливо улыбалась и согласно кивала.

Инна Марковна поразмыслила над словами Вари и решила согласиться для собственного душевного спокойствия. Учительница отпустила руку Полины, взяв с нее обещание обращаться за помощью к ней.

– Спасибо, – поблагодарила Полина подругу.

– Не за что! Просто наговорила бессвязные научные термины, то есть полную ересь. Хотя думаю, причина твоего поведения совсем в другом.

– И в чем же? – насторожилась Полина.

– Подозреваю, у тебя биполярное расстройство личности.
И я уже обзавидовалась по полной программе.

Глава 20. Возвращение в Лисофанже

– Ура! – закричала Глаша, как только они оказались в залитом солнцем сосняке на окраине Софлигора, и от счастья повалилась целовать песок. Кира, прижимая к груди свой черный рюкзак с надписью «Не прислоняться», в недоумении озирался по сторонам, шурился от яркого горячего солнца и пытался осмыслить произошедшее.

Еще пару минут назад он навеки прощался с Глашей. А уже через сто метров у зарослей колючего красного кустарника они увидели машущую им рукой Полину.

Глаша с Кирой с разбегу налетели на девочку и схватили ее в объятия, едва не повалив на землю.

– Скорее! Скорее! – торопила их Полина. Они с Глашей поменялись куртками. Полина всучила Кире его черный потрепанный рюкзак со словами: «Выменяла в Париже у бездомного. Остальное потом, потом...».

И подвела их к большому дереву. Затем приложила ладонь к стволу и закрыла глаза. Под ее ладонью начала расти расщелина. Очень быстро расщелина превратилась в щель ростом с ребят.

Глаша первой залезла внутрь и исчезла. Кира благодарно посмотрел на Полину и последовал следом.

– Что с тобой, Колбасников? – улыбающаяся до ушей Глаша, подошла ближе, всматриваясь в его лицо. – Не ожидал?

Кира согласно закивал и отвернулся, внезапно смутившись.

Но Глаша подошла с другой стороны и снова внимательно заглянула ему в глаза:

– Колбасников, – допытывалась Глаша.

Кира неопределенно покачал головой и смутился еще сильнее.

Пятясь от Глаши, он споткнулся о выступающие корни со-сен и сказал:

– Я рад, Глаша. Я правда рад вернуться в Лисофанже.

– Нет, с тобой что-то не то, – уверенно заявила Глаша, не отставая. – Ты покраснел.

– Еще чего? Я никогда не краснею, – Колбасников ни на шутку разволновался.

– Ага, я догадалась, – Глаша прыгнула прямо перед ним и победоносно заявила. – Да, ты хотел поцеловаться!

– Глаша, перестань, – отмахивался Кира.

– Ты хотел поцеловаться! – напирала Глаша, гогоча во все горло, и тыкая в Киру пальцем. – Чур не отпираться, Кирилл Колбасников. Ты меня не проведёшь. Ты хотел поцеловаться!

– Может и хотел, – не выдержал Кира и чуть ли не заорал на Глашу, – но момент упущен. Настроение испорчено.

– Какая ерунда! – махнула рукой Глаша. – Настроение,

момент. Давай целоваться, Колбасников! Наш победный поцелуй!

– Нет, – запротестовал Кира, увиливая, – не буду я с тобой целоваться.

– Это еще почему? – Глаша попыталась рассердиться и поставила руки в боки, но задорная улыбка расплзлась у нее до ушей.

– Потому, – ответил Кира, – не буду я с тобой целоваться. Ты не доросла до поцелуев...

И тут Кира пожалел о том, что ляпнул, потому что Глаша буквально накинута на него, обхватив руками его голову и врезалась губами в его губы, издав пронзительный звук, похожий на скрип тормозящей машины.

– Тьфу! – Кира еле вырвался из ее объятий и отплевывался от песка, в котором испачкалась Глаша. – Никогда я не буду с тобой целоваться! Никогда! – кричал Кира, пока Глаша покатывалась со смеху.

Ребята вышли на берег, завидев вдали силуэт Летающей квартиры, медленно плывущей над океаном.

Победный задор сошел, и ребята ощутили усталость. Они стояли на берегу и молчали. Даже Глаша уже не улыбалась. И Кира приобнял ее за плечи.

– Спасибо тебе, – сказал он.

Глаша лишь слегка кивнула, продолжая глядеть вдаль.

И Кира решился. Он убрал прядку ее непослушных волос и нежно поцеловал девочку в щеку.

– Ну что, теперь я не испортила момент и настроение? – улыбнулась Глаша, и Кира улыбнулся ей в ответ.

Глава 21. На качелях

После возвращения из Франции Полина пришла навестить друзей в Летающую квартиру и принесла мандарины и конфеты.

Девочки раскачивались на качелях, которые были подвешены на могучих ветвях сосен, а Кира стоял неподалеку, на самом краю квартиры, и жонглировал мандаринами. Те послушно кружились в его руках.

– И как же ты разобралась, что нужно сделать, чтобы попасть в Лисофанже? – спросила Глаша, запихивая в рот мандарин. – Что произошло в Париже?

Полина пожала плечами, подлетая выше и выше, и вспомнила Париж.

Мечтать о прогулке по Парижу оказалось совсем не тем, что взаправду гулять по Парижу. От долгой бесцельной ходьбы, больше похожей на метания, начали натираться сапожки.

Париж не радовал, не давал того чувства свободы, которое ждала Полина. Не возникало вновь чувства восторга, как в первый вечер перед мельницей Мулен-Ружа, не трепетало сердце у базилики Сакре-Кер и не захватывало дух от распростертого под ногами Парижа.

И не нужно было больше ни Парижа, ни Михеева, ничего... Как страшно, как одиноко, так темно стало в большом

и радостном Париже. Одной. И пустота внутри Полины росла как черная дыра. И слезы текли в такт начавшемуся дождю. Она шла неизвестно куда, неизвестно где. Насквозь промокла. Безысходность. Какой-то сквер, дерево. Прислонилась к стволу каштана.

Обняла ствол, прижалась щекой, хоть и колко, и поглаживала ладошкой шершавую кору. И лились то ли слезы, то ли капли дождя по лицу. Замшевые сапожки натерли ноги до мозолей и почернели от воды. У Полины стучали зубы. Холод и отчаяние пробирали насквозь.

«В большом и радостном Париже

Мне снятся травы, облака,

И дальше смех, и тени ближе,

И боль как прежде глубока»

И когда безысходность захлестнула и потянула за собой в пропасть, вдруг поднялся теплый ветер. Запахло фукусами. Полина нерешительно открыла глаза. Огни Парижа померкли. Вокруг нее шумели верхушками сосны, а вдали маячила пара огоньков – домик на окраине Софлигора.

Из последних сил Полина дотрелась до него и постучала. Ей открыли. Яркий свет ударил в лицо. Ее узнали. Что-то спрашивали, но Полина не в силах была ответить, ей помогли снять промокающую одежду и уложили в постель. Проваливаясь в сон, Полина услышала, что послали за Доктором.

Дождь лил всю ночь, к утру перестал. Над Лисофанже висела серая простыня беспросветных облаков. Когда Поли-

на проснулась, она долго не могла понять день это, или вечер, так было пасмурно и темно.

– С добрым утром, – сказал доктор.

Сухие букетики чабреца висели вниз головой над плитой и терпкий аромат шел от заваренного чая. Полина присела к столу и долго молчала.

– Давно тебя не было в Лисофанже, – сказал Доктор, – и вход под твой стол куда-то подевался. Что произошло, Полина?

Девочка медленно и сбивчиво пересказала доктору события последних дней. Доктор внимательно слушал и кивал. Сложнее всего было объяснить, что произошло, когда Полина смогла вернуться в Лисофанже:

– Я чувствовала внутри себя пустоту и стала в нее проваливаться. Знаете, как в кроличью нору. Только понимаешь наперед, что там вовсе не страна чудес, а что-то очень жуткое. И летишь сломя голову в эту пустоту и ухватиться совсем не за что. И возникает чувство безысходности. И отчаяния. И неизбежности того, что вот теперь только эта темнота и будет. И даже будто понимаешь, что есть вечность и бесконечность. Что это одно и то же в густой темноте. И пути назад нет, – Полина замолчала. Ей было неприятно вспоминать те ощущения.

– И вдруг совершенно неожиданно появляется опора. Со всем рядом, просто в этой темноте ее было не разглядеть вовсе. А надо было лишь руку протянуть. А я не протяги-

вала, Доктор. Я не потягивала руку. Ведь в той темноте и пустоте не могло быть никакой опоры! Но рука за ней сама потянулась и оказалось, что она есть! Представляете, Доктор! И в этот момент чувствуешь такую силу! Просто невероятную силу внутри себя. Не физическую силу, Доктор, а по-другому. И надежду. Открываешь глаза, а это Лисофанже!

Мне нужно понять, как это происходит! Как я могу вызвать Лисофанже? – сказала Полина и немного погода добавила. – Я ведь вспомнила, Доктор, что тогда, когда я впервые попала в Лисофанже, ощущала то же самое, что и сейчас. И мне так страшно снова оказаться в той пустоте...

Доктор смотрел на Полину, а Полина смотрела на Доктора и ждала, что он ей объяснит, расскажет, поможет, но Доктор сказал:

– Некоторые вещи не стоит понимать умом. Их достаточно почувствовать. Иначе получится как с безе. Помнишь, что ты почувствовала, когда узнала, что безе делают из яичного белка и сахара? Тебя постигло разочарование. С тех пор безе навсегда утратило волшебную тайну происхождения. И вкус его испортился.

Доктор распрощался с Полиной и ушел. А Полина схватила телефон и побежала в сосновый бор, чтобы вернуться в Париж и сообщить Кире и Глаше хорошие новости. Она пробиралась от одной сосны к другой по разбросанным повсюду ветвям. Но выхода в Париж она не нашла.

Полине сделалось страшно от того, что она превратилась в заложницу Лисофанже, как в свое время ее отец. Что ставни вновь закрыты, и не выбраться ей никогда.

В отчаянии она выбежала на песчаный берег к поваленным соснам, села на одну из них. Ствол закачался под девочкой, словно качели.

Сплошная пелена серой дымки зависла над океаном. Полина долго смотрела на серое неподвижное небо и размышляла: «А ведь солнце над облаками сейчас светит, хоть его и не видно. Солнце всегда есть, как во мне всегда есть то, что помогло мне вернуться в Лисофанже и поможет найти выход».

– И как же ты разобралась? – спросила Глаша, запихивая в рот конфету. – Что ты должна была сделать, или сказать, или нарисовать?

Полина пожала плечами, подлетая выше и выше.

– Скорее почувствовать, я должна была почувствовать, – неопределенно ответила Полина, уставившись в заходящее оранжевое солнце, словно мандарин, зажатый у нее в руке.

– Что почувствовать?

– Сложно объяснять то, что ощущаешь. Но некоторые вещи не хочется объяснять, их хочется только чувствовать, – ответила Полина, раскачиваясь сильнее и сильнее, взлетая выше и выше.

Но Глаша не унималась, с напиханным ртом конфетами допытывалась, поэтому Полина ответила:

– Когда мне грустно, когда я чувствую одиночество и я будто проваливаюсь в темноту внутри себя. Это жутко, – Полина замялась на секунду и неуверенно произнесла, – но вдруг ощущаешь... Скорее всего, ощущаешь, хотя это не точно, а предположение....

– Так что же? – перебила Глаша.

– Быть может, это...

– Что? Говори! – Глаше не терпелось узнать. Разноцветные фантики разлетались у нее с руки.

– Быть может, это любовь.

– Любовь? – засмеялась Глаша. – К кому? К Михееву?

– Нет, – заулыбалась Полина, доставая ногами небо, – просто любовь. Сама по себе. Но наверняка я не знаю и знать не хочу.

Р.С. Невский

На выходе из дворца творчества Полину окликнул Михеев:

– Полина, подожди!

Полина обернулась и остановилась. Зимние сапожки вязли в слякоти от первого выпавшего снега. Эти сапожки ей вообще не нравились, зато не натирали ноги. Девочка куталась в широком вязаном шарфе и с интересом наблюдала, как большими шагами к ней приближается Михеев в расстегнутом нараспашку пальто.

– Я хотел попросить у тебя прощения, – сказал он, подойдя, – за то, что накричал на тебя тогда, в гостинице.

Полина удивилась тому, как спокойно получается смотреть ему в глаза. Михеев немного замялся и продолжил, дружелюбно улыбаясь:

– Ты забавная. Напоминаешь мне младшую сестру. Ну, если б у меня была младшая сестра. Думаю, она бы также чудила, как ты.

Полина улыбнулась в ответ.

– Хочешь, вместе напишем статью о поездке во Францию?

Девочка пожала плечами. Странно было не ощущать тот ураган эмоций, который она испытывала к Михееву. И при этом не чувствовать себя отчаянно несчастной. «Забавно, – подумала Полина, – после той пропасти и темноты, мир буд-

то стал светлее».

– Можно попробовать, – согласилась Полина после паузы.

– Договорились. И передавай привет Кире! – махнул рукой на прощанье Михеев.